

Сергей Куприянов

**Когда
человек
не дышит**

Сергей Куприянов

Когда человек не дышит

«Издательские решения»

Куприянов С.

Когда человек не дышит / С. Куприянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968151-5

Книга является художественным произведением. А все ли художественное — вымысел? И все ли признанное официально — правда. Читатель сам определит для себя: что в ней считать за правду, а что за вымысел. Книга читается на одном дыхании. Рекомендуется к прочтению всем: от мала до велика. Александр Полинцев — друг автора. Инстаграм @padre_beriya

ISBN 978-5-44-968151-5

© Куприянов С.
© Издательские решения

Содержание

Когда человек не дышит	6
Экспедиция	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Когда человек не дышит

Сергей Куприянов

© Сергей Куприянов, 2019

ISBN 978-5-4496-8151-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда человек не дышит



Автор Сергей Куприянов
Иллюстрации Ирина Горбунова

Енисейск, 2018

Экспедиция

Первого апреля тысяча девятьсот девяносто шестого года я, Сергей Куприянов, Владимир Величко, его брат Павел и студентка педагогического училища Лариса на двух мотоциклах отправились в небольшое, и по пробегу, и по времени, путешествие. Каждый ехал за своей птицей, каждый, наверное, думал о своём, я же в тот день, как новогодняя ёлка, обвесившись фотоаппаратурой, выполнял роль фотографа и управлял самым мощным отечественным мотоциклом «Урал».

Рождение КИТа.

Вернувшись домой, каждый, наверное, делал выводы, а я решил, что эта поездка никак не будет последней. Преподавал я тогда в школе черчение и рисование, а после поездки по деревням как-то легко и логично в голове выстроился курс по истории и культуре родного края. Материал, собранный в первой экспедиции, лёг в основу разрабатываемой программы. Никаких учебников, кроме бреда, написанного в московских кабинетах, не было, и поэтому потребовались ещё и ещё одна поездка по Енисейским деревням. Потом была серия «кругосветок»: Пировский, Казачинский районы, потом Хакасия, Тыва, Томская область, сплав по Кети, Северо-Енисейский район, фактория Вельмо, разные сплавы, палаточные лагеря в деревнях Мордовская, Масленниково и другие не менее интересные проекты. Но, всё-таки, днём рождения Клуба, Клуба Интеллектуального Туризма мы считаем 1 апреля 1996 года.

Зачем всё это.

Менялся состав клуба, география, количественные показатели дней, километров, но неизменной оставалась цель, вернее одна из целей – сбор краеведческого материала для моих уроков. Для уроков, для фотовыставок, для видеофильмов, да и просто напросто для души. Да, да, не улыбайтесь, появилась такая потребность, можно даже сказать зависимость. А сейчас вот, много лет спустя, получилась книга.

Серия уроков по культуре края, называлась «Мифы и легенды местных жителей», а также я собирал сказки, байки и даже охотничьи анекдоты. Сейчас всё это можно найти в этой книге.

Предупреждение.

Как бы ни уверяли меня местные жители, рассказчики моих историй, что именно они были свидетелями, а то и участниками происходящего, изучать по этой книге историю как науку всё-таки не стоит. И хотя здесь множество биографичных историй, а также историй, подтверждённых множеством свидетелей, не доверять которым просто нет никакого смысла.

Эпиграфом мы возьмём весьма свободное цитирование одного очень известного человека, между прочим, барона:

*«Правда? Причём тут правда? Это важнее, это ТАК ОНО И БЫЛО»
Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен*

Глава 1

Сергей сидел на детской площадке и болтал ногой. Занял он старые деревянные качели, они от этого стонали, а он наблюдал за детьми. В дальнем углу двора назревал конфликт – два «брата-акробата», как называл их Серёгин, опять стали зачинщиками ссоры, но мамки-няньки смотрели в другую сторону. Компания подростков в чёрных шапочках и в широких приспущенных штанах вытаскивали из подъезда лист ДВП. Их магнитофон плевался жуткими частотами, а «крутые парни» добавляли «Е-е-э-э-э...», и так как на них все смотрели, то ещё водили вокруг руками с растопыренными пальцами. Малыши между тем успешно выгнали близнецов из песочницы. Дети этих братьев недолюбливали: играть они не умели, разговаривать не любили, улыбаться не могли. Чаще всего их видели просто сидящими на скамейке. Как совы, они поворачивали голову то в одну, то в другую сторону или стояли друг против друга, засунув руки в карманы одинаковых модных курток, и жевали жвачку, если же они начинали двигаться, то обязательно задирали кого-нибудь. У Серёгина было несколько удачных фотографий этой замечательной парочки. Больше всего он любил снимать детей и стариков. Дети и старики – мудрость и непосредственность. Кто из них, кто? Кто наивнее, а кто мудрее? Идея о такой фотовыставке посетила Серёгина довольно давно. Особенно ему удавались детские портреты. Была у него в этом дворе и любимица Варенька. Прошло, наверное, месяца три, но Серёгин прекрасно помнил их знакомство. Как всегда, он сидел на детских качелях, бережно сжимая коленками сумку, из которой чуть высывалась бленда длиннофокусника. Многие и не подозревали, чем он занят. Дети не обращали на него никакого внимания, а она обратила, бросила свои важные девчачьи дела и подошла к нему. С минуту она рассматривала его. Мамаше, которая недалеко от сего действия лузгала семечки, это не понравилось – она по-птичьи вытянула голову и нахмурила бровки. Рассматривала его Варенька очень внимательно, вдумчиво, как бы запоминая или сравнивая с кем-то. Сергей хотел спрятать фотоаппарат, но тут же замер, аппарат тоже подлежал внимательному изучению. Потом девочка сказала: «Это тебе», – и протянула кулачок, разжимая его. Два желтых одуванчика, как два маленьких ручных солнышка, лежали на её ладошке. Ни одна мамаша, конечно, этого вытерпеть не могла, и в их сторону уже направилось раздраженное цоканье.

– Я возьму один, – сказал Серёгин, – а второй подарю маме.

Девчушка кивнула, и снова зажав в ладошке одуванчик, побежала навстречу матери. Потом маленькая болтушка рассказала, что её зовут Варварой, что маму зовут «мама Галя», и работает она где-то на работе. Почти блондинка, со смешно вздёрнутым носиком, чуть выщипанными волосами и небесно-голубыми глазами, для своих четырёх лет она была очень проныцательна и умна. Варенька не просто определяла плохой дядя или хороший, она с лёгкостью отличала жадность, лживость и злобу от просто плохого настроения. С этого дня он стал её другом, а она – его любимой моделью. Он как-то попытался познакомиться и с её мамой, не из какого-то особого желания, так, из вежливости, но дамочка отнеслась к этому неожиданно холодно:

– Ни к чему это, ведь вы женаты, – проговорила она. «Уже навела справки», – подумал Серёгин. Но зато препятствий для общения с Варенькой больше не было. Сейчас эта маленькая принцесса копалась в песочнице, метрах в десяти от него, и не замечала, как близнецы тихонечко, маленькими шажочками, глядя то на её стряпню, то переглядываясь между собой, явно замысливая что-то подлое, приближались к ней. Первое правило фотографа – снимать и ни во что не вмешиваться... Как поступить?

– Варенька, – сказал Серёгин, – а где твоя мама?

Девчушка поднялась, смешно растопырив перепачканные глиной пальцы, близнецы замерли.

– Мама сказала, что из окна за мной приглядывать будет.

Братя, проследив за её взглядом, тоже закинули головёнки куда-то в небо, затем переглянулись и потеряли к Вареньке всякий интерес. Они взялись за руки и потянулись в сторону рэперов, которые локтями, коленками, а кто половчее и головой, пытались провертеть лист ДВП до дыр. Довольный выходом из ситуации, Серёгин снова ушёл в себя.

Вечерело, громады стоквартирок, со всех сторон сжимающие детскую площадку, расцветали множеством причудливых огней. Детей, кого лично, а кого и нечеловеческим воплем, типа «Ванечка, домой пора...», загоняли по домам. Скрип качелей и другие детские звуки сменились девичьим щебетанием и гоготом подростков. Как забрали Вареньку, он даже не заметил, кивнул «маме Гале» приветствие и остался в себе. Ну и ладно, ведь пришёл он не к «маме Гале» и даже не к Вареньке. Он пришёл к Толян.

Толян был алкоголиком, он сам в этом признавался, при этом он всегда шутил, что ни один алкоголик не скажет, что он алкоголик. Но объединяло их не это. У них был совместный бизнес. Сергей Серёгин – профессиональный фотограф, любитель краеведения и страстный коллекционер не любил, а, скорее, не умел торговаться, да и разговаривать с незнакомыми людьми для него чаще всего было проблемой, он больше слушать любил. Толян же мог болтать с кем угодно, о чём угодно и сколько угодно долго, к тому же, имея самую русскую фамилию Иванов, в торговле был натуральным евреем. Скупал Толян всё: от старых почтовых открыток до старинных книг и икон, вернее, Анатолий, пользуясь своими старыми, раньше он работал художником в музее, и новыми знакомыми, то есть друзьями-собутыльниками, собирал раритеты, а рассчитывался за них Серёгин, так как у Толяна денег не было никогда. Серёгин не обижал напарника деньгами, что-то оставлял себе, а что-то продавал дальше. Вот и сейчас на «делку века», о которой уже две недели намекал Толик, Серёгин пришёл вовремя. Открыл Толян не сразу, хотя дверь обычно не закрывалась, даже во время «переговоров», в квартиру не впустил, преградив дорогу своей тощей фигурой. Из глубины квартиры доносилось пьяное бубнение.

– Ты с деньгами? – спросил Толян. Его взгляд оценивающе пробежал по Серёгину, чуть задержавшись на висевшем на шее фотоаппарате. Серёгин кивнул, хлопнув в подтверждение по оттопыренному карману, и с нетерпением таким же заговорщицким шёпотом спросил:

– Что там?

– Рано... не торопись. Давай через часик. Погуляй пока.

Такие обстоятельства не были неожиданностью, и Серёгин отправился во двор ждать условного сигнала.

Была у них с Толяном ещё одна точка соприкосновения: в экспедициях Сергея больше всего волновала тема мифов и легенд, а также местные сказки, часами мог слушать их Серёгин, а Толян, опять же не без участия своих дружков, знал множество таких историй, правда, чаще всего он превращал их в анекдоты. Домой идти не хотелось, вот Серёгин и сидел на детской площадке, изредка поглядывая на окно Толяна. Жена уехала на какие-то курсы повышения какой-то квалификации, и он никуда не торопился. Ну, а если бы даже и не уехала... Серёгин снова взглянул на окно Толяновой кухни и погрузился в воспоминания. Жена – это тоже целая история.

Археологическая экспедиция тогда была. На Ангаре. Семь, нет – восемь лет уже миновало, приехал тогда Серёгин поснимать... судьба, наверное, а Светочка тогда сопровождала группу детей медсестрой, а так как археологией она не интересовалась даже ни капельки, то с утра она делала причёску, потом красила глазки, губки, занималась маникюром, а потом скупала. Единственным её развлечением было купание, да фотосессии, фотографом, конечно, был он. Тогда и получилась у них любовь, два или три раза. Потом в городе она сама нашла его и сообщила, что беременна. Серёгин был честным джентльменом и уже через месяц сыграли свадьбу. Светочка была счастлива. Ещё через три месяца Серёгин узнал, что Светочка не бере-

менна, совсем не беременна, даже чуть-чуть, да и никогда таковой не была. Был скандал, были слёзы... Года через два выяснилось, что Светочка не может иметь детей, были слёзы, хотя скандала не было... А потом какой-то парень, встретились они у Толяна, сказал ему, что он «лошара», что Светка знала всё ещё с медучилища и, дескать, все парни в меде знали, от чего это у неё. У Толяна получилась драка, а дома – скандал, но слёз не было... Потом Светочкина подруга, из лучших побуждений, конечно, шепнула, что есть в отделении доктор молодой, и что благодаря интригам, то есть советам его жены, он хорошо по службе продвигается, а она доплаты какие-то имеет, и что дежурства ночные и командировки там разные проходят именно с ним... Не было ни скандала, ни слёз... Выставки, презентации, различные фестивали, экспедиции к чёрту на кулички доставляли Серёгину большую радость, чем совместно проведённое время с красавицей-женой. Даже поговорить о разводе не получалось, два-три дня в месяц, когда он ночевал дома, жена была либо на работе, либо где-нибудь ещё.

Окно толяновой кухни погасло, свет пробивался лишь из освещённой прихожей – это и было условным сигналом: переговоры закончились. Как-то вдруг, неожиданно чувство нетерпения, ожидания той самой «сделки века» сменилось чувством тревоги, видно непростое, трудное решение принимать придётся... а может быть наколоть попытаются. Внимательнее быть надо, что-то произойти должно, не иначе... Сергей взглянул на часы и усмехнулся – ровно час, точен Толян, как в аптеке. Подождав пять минут для страховки, чтобы не испортить Толяну минуту расставания, Серёгин подхватил пакет и зашагал к подъезду. В пакете весело позвякивало пиво «Бархатное», три по пол-литра, как любит Толян – две для разговора, а одну – на утро. Дверь с тугой пружиной громко хлопнула позади, Серёгин и не пытался её придерживать, в тамбуре нет света и поэтому надо быстро сделать два шага и взяться за ручку следующей двери. Успеть-то успел, но за второй дверью тоже темнота... Воняет кошачьей мочой и сыростью. Серёгин медленно шагнул вперёд, он инстинктивно запахнул плащ, замотнув под него висящий на шее аппарат, сделал ещё шаг. В то же мгновение он увидел, нет, скорее, почувствовал, руку, которая ухватила его за ремень фотоаппарата, он задел её локтём правой руки, а слева ещё две руки, – одна из них была с ножом. Доля секунды на раздумье. Серёгин чуть шагнул влево, туда же швырнул пакет, ремень на шее натянулся. Три по пол-литра с грохотом падали на пол, а Сергей тем временем со всей дури саданул локтём вправо, предполагая попасть в грудину или чуть ниже. Локоть глубоко вошёл в мягкое брюхо, сдавленный выдох со стоном показал, что попал Серёгин куда надо. Но тот, который с ножом, тоже не стоял. Взмах – шею обожгло как огнём, снова свист удара и лезвие блеснуло у самого носа, шаг назад, но вот какой-то шорох за спиной... Огромная лапища ухватила его и с небывалой, нечеловеческой силой потрянула так, что затрещал плащ, его ноги медленно оторвались от земли, уши заложило как при перегрузках. Когда Сергей вдохнул свежего осеннего воздуха, понял, что эта огромная лапа и вырвала его из того страшного подъезда, что когти её и сейчас держат его, больно впиваясь в его бока и шею, что он может шевелить и руками, и ногами, но сделать ничего не может, так как болтается над землёй метрах в десяти, и что это расстояние стремительно увеличивается. А ещё он понял, что будет падать, он потихоньку выскальзывал. Шея уже была свободна, цепкие когти держали его только за плащ, он не слышал ни хлопанья каких-либо крыльев, ни шума ветра, только треск рвущейся ткани. Нереальность происходящего навела его на мысль, что это сон. Шея болит – отлежал. Вот упаду и проснусь. У него снова закружилась голова, перед глазами поплыли разноцветные круги, но фотоаппарат на всякий случай прижал к себе покрепче.

Очнулся Серёгин в полнейшей темноте, лежал он в позе эмбриона, обнимая своего «одноглазого друга». Только бы с ним ничего не случилось, – это была первая мысль, а уже потом понял, что лежит на чём-то мокром. Сел, мокрое оказалось всего лишь землёй. Пошагивал вокруг руками: сырая земля да трава. Прислушался, никаких звуков цивилизации или человеческой речи, только дуновение ветерка отзывается шелестом невидимых из-за темноты

листьев, да редкое кваканье лягух. Серёгин встал, медленно вглядываясь в темноту, обернулся вокруг себя, но не заметил ничего, подсказавшего бы ему, где находится и что вообще произошло. Он снова присел и начал рассуждать. Он часто снимал на свадьбах и иногда после этого попадал в разные истории, но помнил отлично, что никакой свадьбы вчера не было, к тому же голова была совершенно свежей. Сон, ужасный подъезд, человек с ножом – жуть. Серёгин потрогал шею – широкий воспалённый рубец. Нет, конечно, это не порез. Да! Конечно, это ожог, ожог от ремня! Значит, всё-таки и подъезд, и человек с ножом, и тот, кто схватил, а потом, падая, сильно дёрнул за сумочку с фотоаппаратом, были. Пускай, но это не объясняет того, где он находится и как он сюда попал. Он пошарил вокруг – плаща нигде не было. Часов на руке тоже не оказалось. Немножко потоптавшись на одном месте, Сергей потихонечку сделал десяток шагов, вытянув вперёд обе руки, дошёл до какого-то дерева, навалился на него спиной и стал ждать рассвета. Народная мудрость гласит, что утро вечера мудренее, но утром ничего не изменилось. Разве что Серёгин понял, что крепко влип... Оглядевшись, он сделал вывод, что сидит среди болота, что хочет есть, а вокруг кроме лягушек да комаров ничего нет, и куда ему идти – не знает. Была ещё одна пословица про лежащий камень, и, хотя под задницей у Серёги всё равно уже была вода, опровергать её он не собирался. Сначала он обошёл свой островок, планируя, как и в какую сторону ему двинуть, потом, так и не поняв, с какой стороны встаёт солнце, – всё небо было затянуто какой-то дымкой, – выломал длинную жердину и отправился в путь. Но перед этим осмотрел свой фотоаппарат – он был в полном порядке. Кроме аппарата в сумочке были: запасной комплект аккумуляторов, маленький, всего пять сантиметров, складной ножик с пилочкой и щипчиками для ногтей, зажигалка, Серёгин не курил, но, по научению Толяна, «чтоб разговор завязывать», носил с собой зажигалку. Правда, Толян настаивал, чтобы он носил с собой и сигареты, но это предложение Серёгин успешно игнорировал. Так же в сумочке были документы, карамелька, которую Сергей тут же сунул в рот и презервативы. Да, самая нужная в этой ситуации вещь. Серёгин достал один и аккуратно раскатал его на фотоаппарат от видоискателя к объективу. Если резиновое колечко закрепить на светофилтре, то с такой подготовкой можно снимать и в проливной дождь. Этим секретом с ним поделился один старый фотограф. Но сейчас Серёгин стянул колечко выше, закрутил как воздушный шарик и перевязал шнурочком. В другую резинку он упаковал аккумуляторы, зажигалку и документы.

Уже через несколько минут он понял, что не зря принял такие меры предосторожности, хотя в основном вода доходила чуть выше колена, несколько раз Серёгин провалился по самую грудь, иногда даже на секунду остановиться было невозможно, – качающаяся трясина тут же начинала проваливаться. Хотелось бросить шест, встать на него и отдохнуть, но была вероятность утратить шест, а это значило – смерть. Он несколько раз обернулся – не вернуться ли на твёрдую землю, но берёзок, около которых провёл ночь, не было видно.

– Человек, эй, человек!

Серёгин остановился, убрал с мокрого лица прилипшие волосы. Недалеко от него, как бы на островке, стояла девушка и манила его к себе.

– Иди сюда, только не бойся. Стой, ближе не надо.

Серёгин уже рассматривал её.

– Ты меня только не бойся, не беги от меня.

Девушка была бледна, даже слегка прозрачна, её прямые зеленоватые волосы падали на плечи, грудь, а потом, превращаясь в какое-то тряпье, спускались дальше, и вся она была, как китайский фарфор, тоненькая и прозрачная. Серёгин был на грани истерики.

– Ты это... что... русалка, да?

Девушка хихикнула и крикнула, куда-то за спину:

– Маришка, он меня не боится! Нет, русалки, они в море живут, ну, и в реке тоже, а нас кикиморами называют. А ещё у русалок хвост, а у меня вот... – и она подняла и вытянула в сто-

рону Серёгина, обнажив до самой ягодицы, совершенно прехорошенькую, босую с маленькими аккуратными пальчиками, ножку. Серёгин, как пятнадцатилетний пацан, раскрыв рот, смотрел, как с этой ножки, с колени, с идеальной лодыжки, с этих очаровательных пальчиков, струится вода. Со всех сторон послышалось уже знакомое хихиканье.

– Меня тут попросили за тобой присмотреть...

– Варенька?

Вчера вечером у песочницы Варенька что-то щебетала ему про русалок, водяных, всяких там домовых и кикимор. Наслушался!

– Не-е-ет, меня зовут Иринка, а сестру мою – Маринка. Слушай внимательно, сначала пойдёшь так, – она повернулась к нему почти спиной и показала рукой вперёд себя, – там островок будет, почти как тот, на котором ты ночевал, понял?

Глянув на него через плечо, спросила кикимора. Серёгин кивнул и повернулся в этом же направлении.

– Никуда не сворачивай только, на островке повернешься так, – и она повернулась влево градусов на девяноста, – они снова встретились глазами, – понял?

Глаза у неё были такие, какие могут унести в небо, а могут, если захотят, и утопить в болоте.

– Понял? – переспросила она.

Серёгин кивнул и тоже повернулся под прямым углом.

– Так пройдёшь сто шагов, солнце уже встанет. Сто шагов! Запомни! А потом встань так, чтобы солнце светило тебе в это ухо, – она сделала движение рукой, и по левому его уху, обгоняя друг друга, щекоча его, покатались две большие капли, – так и выйдешь из болота.

Вид у него был весьма дурацкий. Оценив это, Иринка добавила:

– Сто – это столько раз по столько, – и двумя изящными ладошками с растопыренными пальчиками махнула ему два раза, как бы прощаясь, и исчезла.

Серёгин покрутил головой – никого. Туман. Тишина. Только там, где только что стояла девушка, из болотной жижи поднимались пузырьки. Если она настоящая кикимора, то, по-моему, нет, по мнению Вареньки, она должна была меня защекотать. А может всё дело в пирожке, которым вчера вечером Варенька угощала его? Серёгин отломил кусочек от лепёшки из песка и глины, поднёс к губам и театрально почавкал. А потом она рассказала, что добавила туда семечек и кое-какую волшебную травку, и поэтому пирожок волшебный. Ерунда... Но Серёгин всё-таки повернулся и зашагал в указанном направлении.

Сколько времени шлёпал Серёгин по болоту, сказать сложно, но, когда он понял, что под ногами сухая твёрдая земля, солнце уже припекало от души, так как стояло довольно высоко. Он выбрался из болота и был так рад, что готов был прыгать, скакать как молодой телёнок и приплясывать, но, добравшись до какой-то дороги, так устал, что упал и уснул...

Серёгу трясло, руки и ноги затекли в неудобном положении, в голове регулярно, раз в три-четыре секунды, открывалась и закрывалась скрипучая калитка, стучая при этом Серёгу по затылку. Он попытался сесть – не получилось, попробовал хотя бы пошевелиться и понял, что куда-то едет. Вернее, его куда-то везут. Руки его были связаны за спиной, туда же были подтянуты ступни. Серёгин ещё раз напряг руки и ноги, на что услышал спокойный голос:

– Кто такой?

Серёгин изогнулся так, что видел спину говорившего, и ответил, тоже стараясь казаться спокойным:

– Серёгин я, Сергей Серёгин, фотограф.

– Откуда ты? – последовал вопрос.

– Из Енисейска.

– Ну, тогда тебе не повезло.

– Почему? – удивился Серёгин.

– Да потому что мы в Енисейск едем.

Рядом раздался глухой мужицкий гогот. Сергей тоже оценил шутку, насколько это можно было сделать со связанными руками, и продолжил:

– Да нет, туда мне и надо, живу я там, мужики, развяжите руки...

Но «спокойный» перебил его:

– Где живёшь там?

Серёгин, чувствуя, что разговор мало-помалу налаживается, в тон собеседнику:

– Да в центре, Ленина сто сорок..., – но договорить он не успел, лошадь под натянутыми вожжами встала, телега перестала трястись, скрипеть и, конечно же, тоже остановилась.

Оба мужика повернулись и уставились на него, – перестал жужжать даже гнус, – повисла такая тишина, что Серёгин слышал биение своего сердца.

– Где живёшь? – повторил вопрос тот, который хохотал, но сейчас в его голосе не было ни капли веселья.

Серёгин понял – что-то пошло не так, что-то он сказал лишнего, и, медленно анализируя слова, проговорил:

– В центре живу, у базара.

Мужики развязали, вернее, разрезали постромку между руками и ногами и посадили его на край телеги. Тут Сергей впервые увидел своих пленителей и уставился на них, пораженный колоритным типажом. Коренастые, ростом чуть ниже среднего, но ничуть не сутулые, с длинными граблеподобными ручищами. А мужики уставились на Серёгу, ожидая чего-то.

– Дом там двухэтажный, большой такой дом, – проговорил он, глядя то на одного, то на другого, ничего ни понимая.

– Ну? – спросили мужики, – ну и причём здесь Владимир Ильич?

– Какой Владимир Ильич? – чуть было не спросил Серёгин, но вдруг как-то поперхнулся, закашлялся, что давало ему дополнительные секунды для раздумий.

В голове его в это время ураганом неслись мысли – куда попал, что делать и, вообще, кто это такие, и причём здесь Ленин. «Наверное, секта какая-то, типа братья Ильича», – подумал Серёгин и проговорил:

– Владимир Ильич – вождь мирового пролетариата, – при этом глядя «спокойному» прямо в глаза. Он понял, что попал прямо в точку. Перевёл взгляд на «хохотавшего» и добавил:

– Все силы и знания – выполнению программы КПСС.

Но глаза мужика оставались серьёзными, лишь промелькнула там какая-то искорка, тревожная такая, и говорить, что верной дорогой идёте, товарищи, Серёгин не стал, итак много наговорил. Лишь добавил, день рождения у него двадцать второго апреля.

– Дак ты что, товарищ?

– Товарищ, товарищ, – закивал головой Серёгин.

– А зачем графом назывался?

Серёгин прокрутил в голове их знакомство и сообразил:

– Не-е, я – фотограф, товарищ фотограф. Я фотографии делаю.

Мужики переглянулись:

– Карточки что ль?

Серёгин кивнул. Мужики снова переглянулись и отошли от телеги шагов на двадцать. Серёгин их не слышал, но зато у него появилось время оглядеться вокруг и рассмотреть своих пленителей. Телега была большая, двуосная, в задней её части была навьючена какая-то поклажа, там же к корме, за узду, привязана ещё одна лошадёнка, с искусанной паутами мордой и жутко грустными глазами. Она словно понимала, что сейчас решается чья-то судьба. Серёга тоже это понимал и, ненавязчиво поглядывая на мужиков, потихоньку разбалтывал узел на запястьях. Точно сектанты, – из одежды на них не было ничего покупного: штаны, рубахи, – всё самошитое, обутки и те были какие-то самодельные. На одном из них была корот-

кая овчинная безрукавка, на другом тоже безрукавка, но из серого шинельного сукна. Волосы да и бороды их были нестрижены, да и нечёсаны уже, наверно, лет сто. Его наблюдения были прерваны вопросом:

– А документы у тебя есть?

– Да, в сумочке, – сказал Серёгин и похолодел, сумочки с фотоаппаратом при нём нет.

– Сумочка у меня была, синяя такая.

– Да, хитрая торба, – проговорил «спокойный», развязывая Серёгину руки.

Когда он закончил, другой мужик сунул сумочку прямо в руки Серёгину. Раскрыв сумочку, он с удивлением обнаружил, что в ней никто не рылся, – всё лежало на своих местах, но зато от его внимания ускользнуло, с каким недоумением смотрели мужики на то, как он расстегивает замки на ремнях и молнию. Паспорт Серёгин им не дал, а вот удостоверение журналиста, – ведь оно тоже имело и печать, и фотографию, – было отдано в руки мужикам. Они отошли на несколько шагов и стали рассматривать, да так внимательно, что не заметили, как Серёгин достал аппарат и несколько раз их сфотографировал, попросту забыв, что он пленник и у него связаны ноги. Но тут ему развязали ноги и даже вернули удостоверение, очевидно, против прессы сектанты ничего не имели. Развязали и снова отошли шагов на двадцать. Снова начали спорить, изредка поглядывая на Сергея, а когда он встал, чтобы размять затёкшие руки-ноги, вообще отвернулись от него. Серёгин походил туда-сюда, погладил морду лошадке с грустными глазами и, уже не стесняясь, достал фотоаппарат. Скоро он услышал:

– Ну что, Сергей Серёгин, поехали, коль тебе в город надо...

Глава 2

Первые десять минут ехали молча. Потом Серёгин, то ли вспомнив советы друзей- авто-стопщиков, то ли боясь вопросов про Ленина, решил не молчать.

– А что, мужики, кикиморы есть в этих лесах?

– Раньше были, а сейчас – нет, наверное.

– Почему нет-то? – поддержал разговор «спокойный».

– Просто кто её увидит – не жилец больше, и рассказать про неё, про тварь-то эту, никому не успеет, – авторитетно заявил «хохотавший».

Между лопаток Сереги пробежал холодок. Мужики, казалось, были рады предложенной теме, и разговор потёк сам собой.

– Дед Анфал из Ялани мне рассказывал, лет пять тому назад его черти в лесу три дня держали, слышал?

– Дак то черти...

– Анфал? Из Ялани? – переспросил Серёгин, чтобы заполнить паузу.

«Спокойный» повернулся к нему в пол-оборота, хитро прищурился:

– Да, Горченёв его фамилия, Анфал Горченёв.

– А расскажите про чертей-то, – проговорил Серёгин.

«Спокойный» ухмыльнулся и отвернулся от Серёги, но тут же начал свой рассказ:

– Зимой это было, в декабре, снегу к тому времени навалило. Зимой Анфал в Ялани жил, а летом на пасеке.

– Только жил он тогда не в Ялани, а в Жарково, – вставил слово «хохотавший».

– Да, в Жарково, – помедлив, проговорил «спокойный», – а пасека у него в тридцати верстах по Анциферовке. Зима в тот год лютая была, вот и поехал дед Анфал омшаники проводить. Путь хоть и не близкий, однако, дорога знакомая, светового дня в один конец всегда хватало. Поэтому никаких припасов, кроме булки хлеба, взято не было. И вот посередине пути лошадь начала взлягивать, упираться, а потом вдруг оглобля сломалась, ровно так сломалась, как пилой срезали. Хоть и было тогда Анфалу за семьдесят, оглобля для мастеровых рук не проблема. Потерял какое-то время, но оглобля сладил. Запряг, чуть проехал, новая напасть – лошадь встала. Встала как вкопанная, ни назад, ни вперед, а тут ещё и завьюжило, куда править – не видно. Ничего страшного как будто – серянки были, топор тоже. Развёл костёр, наготовил дров на ночь, но вот ночью-то и началось самое интересное. Увидел дед Анфал «странных людишек», ростик у такого, – «спокойный» ткнул себя пальцем в поясницу, – в турецких шальварах, все с саблями кривыми, окружили деда и говорят: «Мы главные здесь, поклонись нам и домой поедешь». Давай дед Анфал молитву читать, они сначала напугались, отскочили подальше и давай над ним хохотать, никуда, говорят, ты от нас не денешься, поклонись лучше. И так всю ноченьку. Только перестанет Анфал молитву читать, они ближе подойдут, в костёр ссут, хохочут. Начнёт молиться – подальше отойдут. Наутро всё стихло, но шибко длинной ночь показалась. Поехать днём тоже не получилось – конь храпит, в дыбы встаёт, идти никуда не хочет. Наготовил Анфал дров побольше, а они вокруг костра ковров персидских настелили и девок с голыми пупами, этих... восточных, откуда-то наташили. В общем, танцы перед ним устроили. А когда он и на это не поддался, таким срамом с девками этими занялись, что и говорить стыдно. Закрыв дед глаза, чтобы не видеть этого, но главный их птицей уселся на дерево и рассказывает – что да как. Мне Анфал рассказывал, что за коня своего переживал, весь хлеб почти ему скормил, чтобы не околел, сам только чуть краюху пожевал. А на третью ночь началось самое страшное. Старшой ихний уговаривает: «Знаю, есть у тебя дети, внуки, неужели домой не хочется? Поклонись, отрекись от Бога, ну зачем тебе это? И поезжай, доживай свой век потихонечку. А знаешь, что вон те ребята делают? Не знаешь, а они гроб мастерят.

Вон доски тёшут, для тебя гробик-то. А вон в стороне уже лопатами работают. Как думаешь, для кого ямку копают? В землю мёрзлую тебя опустим...».

С молитвой и слезами пошёл дед Анфал к своему коню повод отвязать, чтобы хоть он до дома вернулся.

– Коня Буяном звали, – вклинился в рассказ «хохотавший».

Повисла пауза.

– Да, коня у него Буяном зовут, – согласился «спокойный» и продолжил, – подошёл он, значит, коня отвязать, а конь в дыбы и понёс... Сам ли Анфал за повод ухватился, иль какая петля за руку захлестнулась – он не помнит, да только тащил его Буянушка, с пеной у рта, волоком до самой деревни. Вот такая история, – подвёл итог «спокойный», а «хохотавший» добавил:

– Мужики потом за санями съездили, яму видели, а гроба не было, наверно, черти с собой упёрли, вдруг кому пригодится, – и заржал своим неподражаемым хохотом.

– Черти, они, видишь, Сергей, за душами охотятся, а кикиморам что надо – никто не знает.

– Да, – проговорил Серёгин, он решил не рассказывать мужикам про утреннюю встречу на болоте, – возле Ачинска гора есть, Лысая называется, – вместо этого начал он, – Лысая, потому что не растёт на ней ничего. А с вершины той горы прямо вниз, как колодец, – пещера сорок метров глубиной. Есть про эту пещеру легенда одна.

Бородачи разом оглянулись и оценивающе глянули на Серёгу, а тот продолжал:

– Пещера называется Айдашинская, а в народе её называют просто – девичья яма. Так вот такая история, как в индийском кино: он любит ее, она любит его, но её родители настаивают, чтобы вышла она замуж за татарского хана, у которого много овец, лошадей, в общем, за богатенького.

«Хохотавший» понимающе вздохнул.

– И вот, когда должны были сваты приехать, девка эта убегает с любимым из дому на всю ночь. Вернулась поутру, а родная мать на порог не пускает, иди, говорит, где была, опозорила ты нас на всю округу. Что несчастной делать? Пошла и бросилась в яму... Говорят, с тех пор вокруг Лысой горы привидение бродит.

– Это потому что она родителями проклята, – вставил своё слово «хохотавший».

– И плач по ночам слышен, но учёные этот вой по-своему объясняют, дескать, это ветер свистит по верхушке горы, – Серёгин замолчал, давая понять, что история закончена.

– Был я в тех местах, – вдруг сказал «спокойный».

Серёгин напрягся, ожидая подвоха, но услышанное далее он никак не ожидал.

– С Кузьмой, с брательником, лет семь тому назад на ярмарку ездили, посмотрим, барышня у дороги стоит, ну подъезжаем к ней, а она нам монетку золотую даёт.

– Ну, прям золотую, – не вытерпел «хохотавший».

– Не веришь, у Кузьмы спроси, – ответил «спокойный», – ну, протягивает она нам монету и говорит: «Люди добрые, в городе будете, свечку поставьте за упокой души». А Кузьма и говорит: «Милая барышня, за упокой чьей души-то столько свечей ставить надобно?» А она глянула на нас так своими глазищами и говорит: «Моей душе упокой надобен». Ясно дело, сначала-то мы испугались, ну а приехали в кабак и загуляли, пропили мы с Кузьмой не только золотой, чуть без штанов не остались. Еле живые тогда ворочались, а она опять у дороги, бледнущая, как смерть, качает так головой и говорит: «Ну что же вы, да не подумайте, что мне монету жалко, просто придётся мне ещё у дороги стоять и опять людей пугать». И так от неё холодом повеяло, за секунду вся жизнь перед глазами пролетела, жуть жуткая. Как домой вернулись, не помню...

Дак ты это с того времени что ль не пьёшь?

– Да, и Кузьма тоже. Мы с ним зарок дали, а свечей мы потом в Енисейске поставили на пять рублей, не меньше...

– Старыми?

– Ну конечно старыми.

«Хохотавший» глянул на напарника с недоверием, но ничего не сказал, Серёгин тоже не вмешивался.

– Ну, хватит болтать, пора на ночлег становится, – вполголоса, но довольно твёрдо командовал «спокойный».

И действительно, круглолицее солнце уже не маячило над лесом. Спрятавшись за верхушками, оно как-то быстро, со всего маху, плюхнулось к горизонту и, едва его коснувшись, рассыпалось множеством ярких брызг, акварельно растекающихся по всему вокруг. Пока Серёгин охотился за солнечными бликами, мужики распрягли лошадей, развели костёр и даже сварили какое-то варево в раритетном котелке времён первой мировой войны, впрочем, прекрасно сохранившимся, как успел заметить он намётанным взглядом.

Это была каша – жидкая, несолёная, из какой-то непонятной крупы, но жутко вкусная, наверное, потому, что не ел Серёга целые сутки. Только за ужином он узнал, что «спокойного» зовут Николаем, а того, кто хохотал – Тимофеем, что занимаются они частным извозом, и дружат с детства. О себе они ничего не рассказывали, да Серёгин и не настаивал, говорили о трудностях в воспитании детей, о взаимоотношениях со стариками и о плохом урожае кедрового ореха в этом году. Когда совсем стемнело, Николай достал с телеги старую шинель и подал Серёге:

– Можешь одеть, а можешь укрыться, ночи уже холодные, не месяц май на дворе, ложись под телегу, вон под ту, – и он махнул рукой в сторону, – завтра к обеду в городе будем. А ты прости, если что, – и, сославшись на то, что рано вставать, пошёл спать.

Шея у Серёги болела и даже была небольшая температура, спал он плохо. Его обнимала горячая пышногрудая красавица, обещая родить ему трех дочерей, а у их ног, то жалобно скуля, то злобно огрызаясь в темноту, лежали две дворняги. Серёгин с наслаждением тыкался лицом в прелести красавицы...

Проснулся он от поцелуев, большими тёплыми губами кто-то нежно касался его щеки, носа, лба. Серёгин открыл глаза и увидел лошадь. Лошадь с грустными глазами смотрела на него...

Завтракали чаем с сухарями. Чай Николай сварил из шиповника, смородинового листа и душицы. Мужики с утра были какие-то хмурые, но на Серёгу, как и вчера, глядели с любопытством. Завтракали молча, потом так же быстро и молча собрались в путь. Что-то произошло ночью, подумал Серёгин, наверное, поссорились. Но уже через час пути, не сговариваясь, остановились и подошли к Сергею. Мгновение помедлив, как бы собираясь с мыслями, Николай начал:

– Вон там, за ельником, речка течёт, небольшая такая, но переходить её не надо. Вверх по речке ступай – там старуха живёт, бабкой Акулиной её зовут.

Серёгин подумал, что это новая байка сейчас будет, но Тимофей как всегда прервал собеседника и вполне серьёзно заявил:

– Не знаю, из графьёф ты или товарищей, но в город тебе нельзя... красные в городе, – добавил он на непонимающий взгляд Серёгина, – мы ведь тебя для чего развязали? Думали, что ты дернешь от нас, думали, что ночью уйдешь.

– Бабка она странная, не удивляйся, но ты ей понравишься, с нами дальше тебе нельзя, да и здесь уже конные быть могут. Ваши по Ангаре пошли, но их говорят, уже прошлой зимой... все. Ну, давай, прости, если чего не так..., – решительно закончил Николай.

Обалдевший Серёга остался на дороге: раритетный котелок, деревянные ложки, эксклюзивная, ни в одном месте не китайская одежда, бурная реакция на самые бородастые анекдоты

и неприятие элементарных понятий... – всё это, то складывалось в единую объяснимую ситуацию, то разбивалось вдребезги о логику и здравый смысл.

– Мужики, мужики, Николай, а какой сейчас год? – вдогонку закричал Серёгин.

– Нехороший год, голодный, да и кровушки людской пролито много... нехороший год, – не оборачиваясь, ответил Николай и сильнее хлестнул свою кобылу.

Сделав несколько быстрых шагов вслед за телегами, Серёгин замедлил шаг, а затем и совсем остановился. Сердце бешено колотилось в груди, изо всех сил толкая кровь, кровь в свою очередь била по вискам, по затылку и даже глаза, казалось, от такой пульсации вот-вот вылезут из орбит. Серёгин поднёс ладони к лицу: ближе – дальше, покрутил ими, раздвинул пальцы и увидел сквозь них удаляющиеся телеги, – руки опустились сами собой. Тут же он взял и укусил себя за запястье, укусил со всего маха, со всей дури и ничего не почувствовал. Не почувствовал в первую секунду, а затем в страхе отдернул руку, то ли от резкой боли, то ли от громкого шёпота за спиной, а, может, и от того и от другого сразу.

– Иришка? – поворачиваясь на голос, проговорил он и застыл в дурацкой улыбке.

За спиной никого не было.

– Да здесь я, – услышал он снова, – давай, шлёпай, сюда.

Но и через два десятка шагов и через три он никого не увидел. Лишь по дороге, которую он только что покинул, с пьяными воплями и улюлюканьем явно веселясь, промчались какие-то всадники.

– Человек, эй, сюда иди...

У Сергея жутко болела голова, шея опухла, и движения ею тоже причиняли жуткие боли, ноги были тяжёлыми и никак не хотели идти дальше. Серёгин сделал ещё несколько шагов, навалился плечом на толстенную ёлку и закрыл глаза, тут же услышал голос рядом с собой:

– Ты что, совсем дурень что ли, сказали тебе по дорогам не ходить.

– Иришка, – прошептал Серёгин и открыл глаза – в двух метрах перед ним из земли, не более метра, торчала старая гнилая колодина, корявая, поросшая мхом и даже какими-то грибочками.

Серёгин похлопал глазами, помотал головой, разгоняя туман и оранжевые круги. Сначала послышалось хихиканье, а потом колода сказала:

– Да не пялся ты и глазами не хлопай, пока солнце не сядет, я такой буду. Иль не нравлюсь?

– Да я..., – начал Серёгин и сообразил, хоть Иринка и колода, а у него перед ней вид, как всегда, дурацкий.

– Да я..., – и Серёгин разулыбался.

– О-о-о-о, – протянула колода, – да ты не в себе, нехорошо тебе, да?

Серёгин кивнул и закрыл глаза.

– Ну, понятно, это у тебя лихорадка болотная, из-за раны на шее, вода нехорошая попала и всё.

– Что всё?

Но его вопрос Иринка оставила без внимания.

– А чего же человеку Николаю не сказал? Он травку особую знает.

Серёгин только пожал плечами.

– Ну, идти тебе, я думаю, никуда не надо, да и нельзя, наверное. Садись прямо здесь, под ёлкой, только если кушать хочешь, себя откусывать не надо, у тебя в кармане сухарь есть, вчера ещё этот, который с Николаем, положил.

Сергей послушно сел на мягкую сухую кочку и навалился спиной на дерево, колода Иришка подо двинулась ближе. Передвигалась она довольно необычно, она начинала раздвигаться, Серёгин сначала думал, что это у него в глазах двоится, потом одна картинка оказыва-

лась в другом месте, как бы набирая цвет и плотность изображения, а вторая картинка на старом месте таяла и исчезала совсем.

– Сиди здесь, ничего не бойся, ни люди, ни звери тебя не тронут. Подожди... Ещё до заката... Уже скоро...

Серёгин открыл глаза и, перебив её, спросил:

– Я умираю, да?

Колода хихикнула:

– Да, «кто её увидит, не жилец больше», – в точности копируя и голос и интонацию Тимофея, проговорила колода. Серёгин вздрогнул:

– Да успокойся ты, любитель сказок, найдут тебя скоро.

Серёгин даже слегка обиделся:

– Меня Сергеем зовут.

– Да знаю я. «Я – Сергей Серёгин, фотограф из Енисейска», – на этот раз передразнивая его самого, сказала колода и захихикала, – слушай лучше баечку, человек Сергей, она сейчас как раз для тебя хороша будет.

Кивок головы и закрытие глаз были его согласием.

– Далеко в горах, там, на юге, родились два родничка, два брата близнеца. Звонкие, звенящие своим здоровьем и молодостью, проталкиваясь среди камней, мечтали они о дальних странах, о широких долинах. Но встала перед ними стена гранитная преградой нерушимой. Один ручей сказал: «Всё, брат, я умираю». Второй же ручеек обойти попробовал стену – не получилось, с другой стороны – тоже никак. Но в поисках этих заметил он трещинку маленькую в стене той гранитной. Долго работал ручеек, не один год. Расширял он эту трещинку, камень точил, старался. Вырвался он на свободу, по ущелью устремился вниз водопадом, разбрасывая камни, полетел в долину, с каждым часом становясь всё сильнее и сильнее. Превратился он в широкую могучую, красивую реку, которая несёт свои воды к морю-окияну и радуется всё живое. Водится там красивая рыба хариус. А брат его ещё там, в горах, превратился в болото, и водятся там только пиявки да лягушки. Вот такая история, понял, про что она?

Серёгин попытался ответить, но пересохшие губы не смогли издать звука, он кивнул и потерял сознание.

Глава 3

Девушка пела. Слов было не разобрать, но песня была грустной. Серёга наблюдал за ней уже несколько минут. Сидела она прямо на земле, смешно подогнув под себя ногу. Пела и заплетала косу, где-то с середины она добавила в косу тоненькую белую тесёмочку, а дойдя до конца волос, туго, каким-то особым узлом перевязала их, крутанула вокруг оставшегося хвостика и снова затянула свою фирменную петлю. Сидела она прямо напротив костра и смотрела в огонь. Она замолчала, накинула на свои блестящие медью волосы платок и, по-старушечьи завязав его под подбородком, снова запела. Этим действием она состарила себя лет на десять-пятнадцать, и Серёгин, удивляясь невольно, издал какой-то звук. Деваха прекратила петь, глянув в сторону Серёги. Встала и, намочив в кринке какую-то тряпицу, направилась к нему. Серёгин закрыл глаза, но, когда она эту тряпицу поднесла к его лицу, она воняла так, что улежать спокойно он не мог, девушка даже вздрогнула.

– Бабушка, глаза открыл, – прошептала она.

Девка приблизилась и снова поводила вонючей тряпкой у него перед глазами, пытаясь протереть лоб и виски:

– О, да он меня, кажется, видит.

Девка была вполне нормальная, рыжая, веснушчатая, с тёплыми, слегка дрожавшими руками. «От волнения, – подумал Серега, – значит, не привидение и не кикимора». Он откашлял горло и каким-то слабым хриплым голосом, которого сам не узнал, проговорил:

– Да, вижу, только я не бабушка.

– Вот-те нате, да он ещё и разговаривает!

Серёгин услышал какую-то возню, а потом скрипучий старческий голос:

– Вот и славненько, разговаривает – значит, на поправку быстро пойдёт.

– Ой, бабушка, он, кажется, вставать собрался.

– Ну, нет, мил человек, этого делать не надо пока, потому как сил жизненных в тебе нет никаких.

Чуть повернув голову, Серёгин увидел старуху: маленькая, сгорбленная, сморщенная, как изюм. Цвет лица, однако, имела вполне фотогеничный, её непропорционально большой нос был украшен бородавкой и, несмотря на сверлящий взгляд её колючих, пронизательных глаз, Серёга сделал вывод, что типаж весьма колоритный. «Вот бы портретиков поснимать», – подумал Серёгин. На что бабка тут же ответила:

– Не торопись, успеешь ещё.

Серёгин в удивлении вскинул брови, а бабка разулыбалась и, как бы извиняясь, добавила:

– Ну, успеешь, вскакивать не надо, потихонечку, всё успеешь.

Девка между тем молча протёрла ему лицо, плечи, откинула прикрывавшие его шкуры. Серёгин понял, что под шкурами он совершенно голый, но возразить не успел. Его обтёрли до самого пояса и снова укутали в эти шкуры, заботливо подоткнув их со всех сторон.

– Что это за тухлятина? – Наморщив нос, спросил Серёгин.

Бабка положила свои руки Серёге на лоб, повторяя:

– Ну, вот и славненько, ну, вот и славненько..., – но, услышав про тухлятину, возмутилась, – хе, тухлятина, слышь Лизавета, тухлятина!

– Да я просто хотел узнать, чем это так пахнет.

Та, которую называли Лизаветой, попыталась ответить:

– Купальский корень папоротника и почки сосновые с..., – но договорить она не успела, бабка зыркнула так, что румяные девичьи щёчки стали мраморными, а за её спиной на тоненькой берёзке разом облетели все листья.

Девушка опустила глазки и отошла в сторону, а старуха не унималась:

– Три дня, три ночи тут хороводы вокруг него водим, он лежит ни жив ни мёртв – тухлятина, девка все пальцы стёрла, отвары тебе готовила, умник, не девчонки бы мои, сам бы уже тухлятиной был бы.

Где-то послышалось знакомое хихиканье. Руки у старухи были большие, сильные, совсем не по её фигуре и очень горячие, точнее сказать, необычно горячие. Это тепло не просто проникало через лоб в его голову, оно окружало всё Серёгино тело, заполняло от затылка до пальцев на ногах. Он вдыхал это тепло, а выдыхал холод болотной лихорадки. «Экстрасенс, – подумал Серёгин, – или, если я действительно в прошлом, её тут ведьмой должны называть».

То ли после обтирания, то ли от бабкиного сеанса, Серёгин погрузился в сладкую дремоту, и уже сквозь сон доносились обрывки фраз:

– Запомни... не торопись... с девчонками не ссорся...

Маленькая холодная капля – нет, не капля, капля была секундой раньше и по лбу – от неё Серёгин и проснулся, а сейчас сразу несколько капелек, почти целый ручеёк, ударившись в его щёку, устремились по шее, даря Серёге пробуждение. Серёгин открыл глаза: сквозь навес из пихтовых и еловых веток, причудливо набухая, мультяшно трансформируясь, летели к нему крупные капли. Девушка, стоя возле него на коленках, не замечая его пробуждения, пыталась поймать их ладошками, но её попытки спасти Серёгу от этой бомбардировки были безуспешны. Чуть изогнувшись, Серёгин открыл рот и, клацнув зубами, поймал несколько капель воды, девушка испуганно отпрянула и скромно опустила глаза.

– Привет, – сказал Серёгин, прокашлявшись.

– Доброе утро, – тихонько проговорила она, как бы собираясь с мыслями, – это не дождь, – сказала, глянув в лицо Сергею. И, видимо, убедившись, что он ничуть не сердится, добавила: – Это роса такая обильная, дождь вчера был, дак ни одной капельки не капнуло, а сейчас вот, – и она глянула на формировавшуюся прямо над Серёгиным лицом каплю.

Он покосился в сторону: косые солнечные лучи, проходя сквозь редкий ельник, расправлялись с последними клочками тумана, прокалывая и разрывая его, а на небе действительно не было ни облачка. Он снова взглянул девушке в глаза, глаза у неё были большие, уставшие, грустные и какие-то виноватые.

– А что, если его встряхнуть?

– Встряхнуть? – глаза у неё стали ещё больше.

Серёгин уже высвободил руку из-под укрывавших его шкур и дотянулся до тоненькой берёзки сантиметров семь в диаметре, на высоте полутора метров к ней была подвязана перекладина, на которой и держалась часть крыши – Серёгин сначала потихоньку, глядя девушке в глаза, а потом и несколько раз со всей силы ударил по этой опоре. Накопленная из ночного воздуха влага рухнула вниз. Тысячи капель, объединяясь, иль, наоборот, разбиваясь на ещё большие тысячи, устремились навстречу земле и к Серёгиному лицу. Да и та, которую вчера называли Лизаветой, тоже подняла удивлённые глаза навстречу спровоцированному Серёгой дождю.

– Слышал я, что если роса обильная, то дождя не будет, врут, наверное, бессовестно врут, – еле сдерживая смех, проговорил он.

– Говорила бабушка, что росой надо умыться, но, чтобы так, – восстанавливая перехватившее дыхание, утирая лицо ладонями, проговорила девушка, и они расхохотались.

– Верно говорила бабушка, быстро на поправку пойдёшь, – сквозь смех сказала девушка Лиза.

– Тебя ведь Лиза зовут?

Та в ответ кивнула:

– Кормить тебя надо. Сейчас кисель овсяный, а к вечеру, наверное, рыба будет.

– Лиза, а одежда моя где?

– Если встать сможешь, то и одеться тоже. Одежду дам, ну только твою одежду бабушка сожгла, беду она принести может, вон только обутки оставила; славные, говорит, тапочки, понравились они ей.

Теперь Серёгин смотрел широко раскрытыми глазами:

– А сумка, сумка такая, на ремне, синяя, – упавшим голосом почти простонал Серёга.

– Синяя? Да вот она, кикимора, та, которая Ирина, говорила, что ценное там, что переживаешь за неё шибко, вот она.

– Ты и про кикимору знаешь?

– Что знаю?

– Ну... – Серёгин замешкался, – то, что они есть.

Лиза расхохоталась так неподражаемо и непринуждённо, что Сергей забыл, о чём её спросил.

– Да я всё про них знаю, экая невидаль...

Серёгин тихонько поворачивал головой:

– Они здесь?

Лиза тоже огляделась по сторонам:

– Не-а, бабушка попросила их лихих людей да лютого зверя от этого места поотводить, вахту несут, наверное, где-нибудь там, у дороги.

– А бабушка где?

– А она сказала, что не по годам ей тут в полевых условиях жить, домой ушла, ты сил наберёшься, тоже пойдём.

– Далеко? Сколько километров?

Лиза задумалась:

– Не знаю... Мы, когда сюда шли, с обеда до заката времени ушло, а с тобой... дня три идти будем, хотя, может быть, кикиморы помогут, – и, помолчав, добавила, – а может, и не помогут, не слушаются они меня, вредничают, в задир лезут.

– А бабушка – она что, ведьма? – неосознанно переходя на шепот, задал Серёга давно мучавший его вопрос.

– Ну, если ведаёт – то ведьма, а если знает – то знахарка. Трав да кореньев она знает много всяческих и умеет ими пользоваться, вот и всё. – Снова озорно улыбаясь, сказала Лизонька.

Встать он не смог, но при некоторых усилиях и помощи Лизы смог сесть. Выпил две порции тёплого овсяного киселя с необычным травным привкусом и, пообещав не пытаться вставать без помощи, получил одежду. Штаны были как штаны, если можно так сказать с чужого... ну, плеча. А вот рубашка была не просто новая, она была праздничная. По воротнику, рукавам и подолу, обгоняя друг друга, мчались красные кони. Сергей любовался тонкой работой, тихонько водя пальцем по красной гриве, по витейке пыли из-под копыт, когда почувствовал взгляд. Украдкой глянув в сторону, встретился он с глазами, внимательно, с любопытством наблюдающими за ним. Лиза тут же в смущении опустила глаза.

– А расскажи про кикимор.

– А что про них рассказывать?

– Ты же говорила, что всё про них знаешь.

– Ну... Бояться их не надо, как некоторые боятся, на самом деле вреда человеку они причинить не могут, пугают только. Им запрещено прикасаться к людям, вот они и пугают. А от испуга уже человек бежит сломя голову и расшибается о дерево или камень какой. Говорить всякие речи можно им, кто прельстится речами этими, пойдёт за ними – заблудится, или в болоте утонет – это они веселятся так.

– А почему запрещено?

– Что запрещено?

– Прикасаться им к людям.

– Не знаю. – Лиза задумалась. – История есть одна старая, вот, слушай. Давно князь на земле жил: красавец, сильный, смелый, ловкий. И настало время князю жениться – отправился он невесту себе искать. Встретил он девушку – глаз не отвести. И полюбили они друг друга с первого взгляда, а любовь у них была такая, как только в сказках бывает. Ну, а девушка, ты понял, кикиморой была, в те времена они и днём и ночью могли настоящими быть, это сейчас они от солнца прячутся. Сделал князь ей предложение, и пошла она к ихнему главному кикиморному богу разрешения спрашивать. Долго противился главный этот, не было ещё такого, чтобы кикиморы за людей замуж выходили, а потом и говорит: «Возможно счастье между вами при условии, что верны друг другу будете до конца дней своих». Поклялись они перед богом этим кикиморьим в любви и верности, и увёз он жену-красавицу домой. Жили-поживали, да отправился князь тот в поход воинский, и, как водится, развлечения с барышнями в походе том случились. Изменил князь жене своей, и в ту же секунду превратилась его молодая жена, прямо среди бела дня, от взглядов людских, иль от лучей солнечных в тухлявый пень. Так до ночи и стояла, слезами горячими обливаясь, а потом собрала вещи свои и ушла... Нашёл её князь, рассчитывая прощение вымолить. Бросились они в слезах навстречу друг другу, обнялись. Но в то же мгновение девушка стала каменной, и руки её стали каменными. Долго мучился князь в каменных объятьях, на помощь звал. Так и умер, а как повисло безжизненное тело в каменных руках, то и девушка рассыпалась на мелкие камушки... Вот за развлечения мужины и развлекаются сейчас кикиморы над всем человечеством. Так что ты смотри, Ирка – она девка влюбчивая и равнодушна она к тебе, а это до добра не доведёт, – явно желая его зацепить, закончила Лиза.

– Заняться им нечем. Сидят тут, всякую чушь собирают...

Оба вздрогнули и повернулись на голос, там стоял и трясся от возмущения, непонятно откуда и когда выросший, огромный мухомор.

– А вот сейчас возьму да обниму твоего Серёженьку.

– Попробуй только, – сжав губы, проговорила Лиза.

– О-о-о... да у них тут шуры-муры, любовь типа. Да знала бы ты, девица, как он по моим коленкам слюни пускал, там, на болоте. А ты сейчас, пока он больной, в лихорадке, соблазняешь его, глазками перед ним хлопаешь.

– А вот и нет!

– А вот и да, я-то всё знаю.

– Нет-нет-нет!

– Да-а-а.

– Никого я не соблазняю! – уже в слезах крикнула Лиза, на что мухомор спокойно, скрипучим бабкиным голосом ответил:

– Ну и дурра, – и исчез.

Глава 4

Со стороны речки доносилось истеричное кряканье, там у Лизы стояли верши, – это такие запруды, ловушки для рыбы, и она каждое утро приносила оттуда двух-трех щук, небольших, но жирненьких, зубастых и злых, как собаки. А сейчас там, то ли от счастья, что её детки встали на крыло, то ли от негодования, что собрать их вместе и заставить слушаться стало практически нереально, надрывая свою утиную глотку, не останавливаясь ни на минутку, кричала кряковая утка. Весь лес, кроме ельника, стал как будто прозрачнее, зато земля покрывалась небывалой красоты сотканным из миллионов тоненьких разноцветных пластинок ковром. При дуновении ветерка эти листики-пластинки переворачивались, издавая каждая свой неповторимый звук, и картина красок тут же, в одну секунду, как по взмаху волшебной палочки, менялась. А иногда лист, смачно чмокнув, прилипал к гладкой берёзовой коре или камню, оставшись там до снега или до тех пор, пока не иссушит его ветер, и он, медленно почернев, используя свой последний шанс, сломя голову бросится к своим братьям, заняв место в феерическом хороводе.

– Предупреждала бабушка, что нельзя с ними ссориться...

Сергей вопросительно глянул на Лизу; слезинки у Лизины глаз высохли и, хотя она продолжала сидеть в той же позе, к щёкам её вернулся былой румянец, а сама она вновь обрела возможность говорить:

– Как мы без них отсюда выбираться будем?

– Ну, потихонечку, – протянул Серёгин, соображая, как скоро сможет он передвигаться самостоятельно.

– Понятно, что потихоньку, просто у нас скарба вон.... Четыре мешка. А скоро, может, даже завтра, дожди начнутся...

Сергей сидел, разгребая босой пяткой золу костра, и шевелил пальцами. Услышав про дожди, он замер, осмотрел небо, насколько это было возможно, и как бы с недоверием спросил:

– Дожди? Какие дожди? Не надо нам никаких дождей. А значит, их и не будет.

– Ну, может, не завтра, а дня через два, но точно будут, я знаю, меня бабушка учила. – Попадись на Серёгину удочку, затараторила Лиза, но тут же замолчала.

Цвета спелой малины стали её щёки. «Да..., – подумал Серёгин, любуясь её медно-рыжей косой, которая непокорно выкатилась из-под платка и теперь струилась по плечу, – интересно, прямо соблазняла... да...». Серёгин встал и почти уверенно, самой твёрдой походкой, какую только мог исполнить, подошёл к Лизе:

– Смотри, делай так, – Серёгин вытянул впереди себя руки ладонями вниз, Лиза повиновалась, – а ладошки-то у тебя чистые?

Лиза отдернула руки, глянула на них и машинально обтёрла их о подол.

– Ну, давай сюда, – Серёгин, глядя прямо в глаза, аккуратненько приподнял Лизины руки, – смотри внимательно, – он поводил своими ладонями над Лизиними руками, делая важный вид, и приказал крепко сжать кулаки, потом он взял пепел из костра и чуть-чуть посыпал на каждый кулачок девушки, снова сделал несколько магических пассов, даже чуть потёр кулачки пальцем, как бы втирая пепел ей в кожу, сдул остатки пепла, а потом снова, глядя изумлённой Лизе в глаза, медленно перевернул её кулачки.

– Ну, разжимай, – кивнул Серёгин, чуть касаясь ладонями её тёплых рук.

Сергей наслаждался этими прикосновениями, а удивление в глазах девушки сменилось страхом... Пепел оказался в её ладонях. Она отдернула руки, потрогала пепел на вспотевших ладонях, потёрла его между пальцев, понюхала, и быстро обтряхнула ладошки. Затем внимательно, словно видела их впервые, принялась изучать их, переводя испуганный вопрошающий, недоверчивый взгляд то на Сергея, то на золу кострища, то вновь на свои ладошки. А ликование Сергея постепенно менялось сомнениями, не перегнул ли он палку, да не хватало ещё,

чтобы Лиза его за колдуна какого-нибудь приняла, или бабка, не дай бог, какое-нибудь тестирование по этому поводу не устроила...

– Лиза, это всего лишь фокус, вот смотри, – но она тут же отёрнула и спрятала руки под фартук.

– Фокус? А откуда ты знаешь, что дождя не будет?

– Да ничего я не знаю, просто не хочу, чтобы он был, вот и всё.

Было ясно, что Лиза не поверила ему, во всяком случае, не до конца, но говорить что-либо ещё, доказывая свою правоту, Сергей не решался. Девушка первая нарушила затянувшуюся паузу:

– Фокус... Вон в Тихоновке какой фокус приключился – полсотни домов, или больше даже, хозяйство крепкое во всех дворах было. Речка, как водится, за огородами была, небольшая, но чистая и глубокая. Водичка там вкусная такая была, что колодцев никто и не рыл, незачем было. Вот и подошёл к той деревеньке человек, никто его до того момента не видел, и в одеждах был странных, говорят, ну прям как ты, только возрасту был почтенного более. – Лизин взгляд снова стал каким-то испуганно изучающим. – Вот зашёл этот старец в деревню и попросил воды напиться. А тётка Марья, вообще-то она тётка не плохая, стояла тогда у калитки, ему и говорит: «Вот до речки дойдёшь, по этой вон дороге, там и напьёшься воды». Соседки, кто слышал это, как онемели враз, не ожидали они от неё такого ответа, а путник тот чуть помедлил, значит, подождал и говорит: «Я-то дойду до речки, а вот ты, посмотрим, как дойдёшь завтра...», – повернулся и зашагал по дороге. А как отошёл, принялись товарки её совестить, ну Марью-то эту, дескать, нельзя так, что-то знает человек этот, заболеешь, обезножишь... А та, ни в бога, ни в чёрта не веря, плюнула на их советы и пошла по своим делам. Утром проснулась жива-здоровая, тьфу, болтают люди всякую чушь, вышла в огород, а речки нет. Ушла речка, за пять вёрст от деревни ушла.

Серёгин знал эту легенду, так, или почти также, рассказывали её ему в деревне Чалбышево. Работали они тогда по исчезнувшим деревням Енисейского района, говорили, что исчезла деревня Тихоновка после того, как речка русло сменила. Меняют речки русла потихонечку, по метру в год, не более, подмывают берег и двигаются вперёд. А вот чтобы так сразу, на пять километров, да за одну ночь, это, конечно, оказалось для всех неожиданностью, или скорее необъяснимым явлением, чудом.

– А с деревней что? – спросил Серёгин.

– А что там может быть? Домов пять осталось, поразъехались все – огород поливать нечем, скотину поить тоже нечем... Пробовали, конечно, колодцы рыть, но всё бесполезным оказалось. К бабушке приходили, но она говорит, что против мужчины, как и против человеческого невежества, сделать ничего она не может, что тётке Марье этого человека искать надо, а она, Марья эта, самая первая из деревни уехала... Так что не надо на мне фокусы эти делать. – Лиза снова глянула на свои руки и, убедившись, что они в полном порядке, снова сунула их под фартук.

– Лизонька, это просто зола...

– Да, зола, бабушка говорила, тот человек тоже золу на воду насыпал, когда до речки дошёл, – затараторила Лиза, – золу из дорожника, что путникам помогает, и ещё каких-то трав. Напилился водички, шепнул слово тайное да золы щепотку на воду бросил, вот и весь фокус.

Серёгин отступил и присел у кострища, убедившись, что Лиза смотрит на него, послонявил и поочерёдно прикоснулся к пеплу костра двумя пальцами на каждой руке средним и безымянным.

– Это была подготовка к фокусу. Раньше, в первый раз, ты этого не видела, потому что была озабочена будущими дождями, а увидела только это, – Сергей вытянул вперёд руки со сжатыми пальцами, – я тогда сказал тебе: «Делай так». Помнишь?

Лиза утвердительно кивнула.

– А помнишь, уже после того, как ты убедилась, что твои ладошки чистые, я чуть приподнял их, – Серёгин перевернул свои руки и сделал вид, что касается воображаемых ладошек, чуть сжимая их, при этом он нарочно чуть приподнял из ладони по два пальца, запачканные золой. А в Лизиных глазах уже метались огоньки догадок и притворного гнева, – и когда ты сжала кулачки, пепел уже был на твоих ладонях, – закончил Серёгин.

– Значит, ты меня одурачил! – И в Сергея полетели еловые шишки. – Я сразу догадалась!

– Ничего себе догадалась... – и шишки полетели в другую сторону.

Началась беготня вокруг кострища, но в руках у Серёгина остался только Лизин платок. Сама же она, ловко увёртываясь и звонко смеясь, всегда успевала поднять с земли шишку и запустить ее в Сергея.

Еда с каждым днём становилась всё вкуснее, аппетит у Серёгина только улучшался. По утрам они с Лизой ходили к речке проверять ловушки для рыбы – эту работу взял на себя Сергей, Лиза не возражала, да и относился он к этому как к развлечению. Сначала надо было «прошлёпать» длинной палкой два омута, там иногда оставалась рыба, которая не хотела заходить в их ловушки по собственному желанию. А спасаясь от невиданного шума, который учинили люди, рыба устремлялась вверх по течению и, пройдя вдоль умело построенной из тоненького тальника загородки, оказывалась в специальной заводи; вход туда был очень узок и специально завёрнут вовнутрь, выйти обратно через него рыба, конечно же, не могла – вода там была проточная, но было там довольно мелко, так, что выловить её не составляло особого труда. Но зато сколько удовольствия, собственными руками, не в сети и не на блесну, изловить пару щук, или толстенных язёй, или сорог. Но сорожек редко брали, очень уж они костлявые, да и мелкие. Воду, конечно, тоже Сергей с речки носил, в хитро сложенном из бересты ведёрке. А Лиза каждый день утром и вечером ходила травы собирать; какие-то хранила в пучках, какие измельчала, перетирая в ступке, а какие и разбирала: листья отдельно, корневища отдельно... Что-то упаковывала в горшки, запечатывая крышки воском, а что-то просто в тряпицу завязывала.

Раз как-то увидел Серёгин, что она травку щиплет, листочки резные такие, кругленькие, по земле стелются. Вечнозелёными живут листочки эти, зелёными под снег уходят, зелёными и весной на свет являются, потому и силу природную, за радость к жизни, наверное, такую имеют. Собрал Серёгин букетик, грамотно собрал – центром композиционным три осенних лазоревки взял, а окружил всё травкой этой вечнозелёной, аж самому понравилось. Разулыбалась Лиза, поблагодарила, засмушалась, но когда воодушевленный Серёгин принялся рвать эти же самые листочки, засовывая их в Лизину сумку, та запротестовала и выбросила из вороха точно таких же листочков горсть Серёгиных, а затем и вовсе прогнала:

– Иди к костру, я скоро..., – и действительно, не успел он угли раздуть, появилась Лиза.

– Ты ведь не знаешь, для чего я манжетку собираю.

Серёгин соображал, вопрос это или утверждение. Девушка вытряхнула на чистый платок два-три десятка листьев и принялась перебирать их.

– А зачем тогда травку рвал? – не дожидаясь ответа, спросила она.

– Помочь хотел, – выпалил Серёгин.

Лиза глянула на него, покачала головой и снова склонилась над своей работой.

– Травку рвать нужно не всякую, сначала рассказать нужно ей проблему, про беду человеческую, объяснить, а может, и убедить её потребуется, что только она сможет помочь человеку.

Лиза снова глянула на Сергея, тот давно уже перестал удивляться подобным вещам, хотя нет, он научился делать вид, что всё это ему понятно и иначе и быть не может. Глянув на его серьёзное сосредоточенное лицо, Лиза продолжила:

– Вот тогда и разрешения спрашивать можно. Не каждое растение, да и не сразу позволит пользоваться собой – листьями, цветами, а ведь иногда и корни нужны, – Лиза снова глянула на Сергея и продолжила интонацией первой учительницы, – а ведь корни у растения – самое главное, нет ему жизни без корней, вот и думает оно думу, в чём его предназначение: человеку помочь или семена возвращать да по земле их рассеивать.

– А что, без разрешения этого травы лекарственные не помогают?

– Ну, почему же, помогают, некоторые, только вот... этот лист, – она покрутила в пальцах, – один листочек пяти сотен тех стоит будет, – и она кивнула головой в сторону реки.

– Здорово, молодёжь, – возник вдруг на тропинке, натопанной ими уже довольно отчётливо, мужик с седой лохматой бородой, в зимней шапке неопределённого цвета и возраста, да и определить, из какого зверя пошита была эта самая шапка, не взялся бы ни один таксидермист.

Ступая совершенно бесшумно, он подошёл и без всякого приглашения уселся у костра.

– Ваша запруда на реке?

– Да, – кивнул Серёгин, – здравствуйте.

А Лиза молча встала, скомкав свой платок и вновь перемешав рассортированные по одному только ей известному принципу листья манжетки. Но манёвр этот не остался незамеченным, гость проводил Лизу глазами:

– Гляжу, запруда стоит, шурёнок там уже попался, а я хотел сетку там, ниже бросить, да, думаю, людям наврежу, вижу, что сегоднечко только были. Пойду, думаю, познакомлюсь, меня Арсением зовут, – он протянул руку.

– Сергей, – отвечая на рукопожатие, сказал Серёгин. Надо ли представлять Лизу, а если надо, то как? – и Серёгин, и новый его знакомец изредка на неё поглядывали.

– А у меня избушка там, – он махнул рукой, – к охоте готовлюсь, харчей принёс, дай, думаю, рыбки поймаю, а тута вон вы, нет, я без претензий, просто не похожи вы на рыбаков-охотников... – И он снова, уже не скрывая, оглядел Лизу, – Я смотрю, вы тут этой... ботаникой занимаетесь?

Арсений оставил смущенную Лизу в покое и повернулся к Сергею:

– Да я чё, я без претензий, просто я раньше тоже наукой этой занимался. Как негоден стал – комиссовали меня, бомбардиром я был, пока, вон, не получил свою долю, – и он демонстративно повернулся к Серёге другим боком: от самого глаза до виска, двойной рваной бороздой, тянулся шрам, а глаз, хоть и остался цел, был как будто неживой, чуть косил в сторону бывлой раны из-под покалеченного века. – Вообще-то я военный был. А как списали, ходили мы по тайге с профессором этим, из Петербургу... Комаров его фамилия. Он благодаря нашей экспедиции работу написал, в трёх томах, кажется, всё про растения и травы там разные, он и помощник его, тоже из столицы, тоже учёный какой-то, ходили всё гербарии эти собирали, а как найдут чего редкого, так и давай по-тарабарски говорить. Я хоть и грамотен немного, ничего понять не могу, то немецкий, то английский, а этот помощник всё с сачками, – как бабочку какую иль жука изловит, то давай на латыни вещать. Нет, я без претензий, просто если русский ты и живёшь на Руси, нече язык человеческий поганить словечками всякими.

Закипела вода, крышка котла заподпрыгивала, задрезбужала, даже опоры тагана загудели, поддавшись этой вибрации. Сергей начал было подниматься, но Лиза уже убрала котёл.

– Скоро чай будет, – и, хотя она отошла к столу, к месту, где была сложена посуда, съестные припасы и травы, и стояла к ним почти спиной, Арсений вновь уставился на неё.

– В какой стране наука более развита, на том языке и формируются основные термины и понятия, – не для того, чтобы сумничать, а для того, чтоб прекратить бессовестное разглядывание Лизы, проговорил Серёгин.

Арсений тут же на это поддался, его испытывающий, пронзительный раскосый взгляд сверлил теперь Сергея. Было непонятно, смотрит он ему в глаза или на сумочку с аппаратом, «хитрую торбу» – как называли её мужики, или на туфли, которые бельмом выделялись из Серёгинаго прикида.

– А вы что в той экспедиции делали, какие травы изучали? – нашёлся Серёгин.

– Не-е... я не собирал, я поклажу ихнюю возил да как охрана от зверя. Я с детства охотиться люблю. Ну, проводник ещё у них был, но тот парень бздиловатый, как темнеет костёр, начинает палить, а если дров мало, то чуть не плачет, так страшно ему значит, и не спит всю ноченьку, и господам не даёт... А тигр, он чё, у них там на востоке, значит, тигр главный, не страшней медведя нашего, а захочет сожрать, сожрёт, ничего ты супротив него не сделаешь, нет, ну если только дома сидеть... Нет, вы не подумайте, я без претензий, но ведь козь назвался проводником... к тому ж деньги платили хорошие. Ну, а у вас что за экспедиция?

«Ну вот, началось», – подумал Серёгин.

– Чего ищите? – последовал ещё один вопрос.

– Заболел я в дороге, – начал Серёгин, в панике глядя на Лизу, – чуть не помер, если бы...

– Если бы вовремя не подкрепился, – перебила его Лиза, – у меня всё готово, – расстелила между сидящими у костра чистую холстину, объявила она. Потом появилась жареная рыба, сухари, чай, а к чаю плоска брусники, мёд.

– А мёд-то откуда? – удивился Арсений. – Дикий?

– Да, дикий, – потрогал Серёгин переносицу, – вот утром ещё опухоль была.

Арсений разулыбался, развязал свой мешок, достал две большие варёные картофелины, достал большой кусок сахара, завернутый в тряпицу, осмотрел его, и снова завернув, несколько раз сильно ударил его рукояткой своего ножа. Осколки эти высыпал он прямо на брусничку, а кулёк его, уменьшившись вдвое, вновь спрятался в мешке.

– А кружечка, милая хозяйюшка, у меня своя есть, так что и вы садитесь с нами. – Он извлёк из мешка и протянул Лизе большую алюминиевую кружку, которая, видимо, и роль котелка не раз выполняла. – А не родня ли вы будете Акулине Андреевне?

Лиза замерла, вглядываясь в лицо Арсения; кто он – с добром, иль лиходея какой, кикимор не было уже третий день, найти их мог кто угодно. Лиза кивнула, лицо Арсения расплылось в улыбке:

– Нет, вы не подумайте, я без претензий, просто знакомы мы с ней и благодарен я ей очень.

Лиза, видимо, решила сменить тактику:

– Пятый год у бабушки живу, а вас не помню.

– Хе, пятый год, вы с кружкой аккуратнее, пожалуйста, она сейчас горячая будет очень. Пятый год. Я тогда моложе его был, – Арсений кивнул на Серёгина и, увидев в его глазах неподдельный интерес, остановился на нём как на главном слушателе.

– Захворал я тогда, нет, не так... купил я ружье.

– Всякое рассказывают про бабушку, но чтобы она оружием торговала – не было такого.

Арсений уставился на Лизу, даже жевать перестал, но Лиза не смогла остаться серьёзной и, прикрыв рот ладошкой, захихикала. Хотя Арсений и улыбнулся, но шутки, скорее всего, не понял, снова повернулся к Сергею и продолжил:

– Мы тогда в Назимово артелью рыбацкой стояли, для купца Гадалова белорыбицу черпали, вот предприимчивый мужик был, – все артели на золото набирают, а он золотарям рыбу возит, да ещё и больше их имеет. Да и приятнее это, верно, с рыбаками дело иметь, нет среди них татей да разбойников, во всяком случае, не столь, как в золотарях. Ну, а охоту я с детства

уважаю, это говорил уже, про то и артельщики мои все знали да и в деревне многие, и дед там один был... вот даже имени его не помню, древний дед, за сто лет уже ему было, нашёл меня в бараке, сам пришёл и ружьё принёс. «Купи, – говорит, – ружьё моё». Глянул я ружьишко это, смотреть на него без слёз нельзя, древнее, как и дед этот, ржавое, всё болтается, приклад проволокой перетянут, ну чтоб совсем-то не развалился. «Не надобно, – говорю, – ружья мне, есть у меня ружьё». А дед не отступает: «Это лучше», – пристал, как лист банный, а тут ещё и мужики собрались, да давай ставки делать, ну понятно, хотели они деда этого осмеять, кто, мол, на сто шагов в шляпу попадёт. Да ты представляешь, дед и на это согласен. Ну, тогда я и согласился, из уважения к старику, цену он назвал смешную, я даже хотел больше дать, чтоб он ушёл и не уговаривал меня, не позорил перед мужиками. Берёт он, значит, у меня деньги и говорит: «Я тебе его совсем продаю». Я смеюсь: «А как ещё, дедушка, ещё продавать-то можно, по запчастям што ли, или на полдня? Полдня моё, полдня снова ваше будет?» Мужики хохочут. «Нет, – говорит дед, – скажи, я совсем его покупаю, да громко скажи, чтобы все слышали». Ну и сказал я, что требовалось, все тогда подумали, что это шутка такая. Ушёл дед, а к вечеру помер. Бросил я ружьишко это под нары, да и забыл про него, да как оказалось ненадолго, с ружьём моим, с тем, которым я так гордился, беда приключилась. Вовка – шалопай, пацан у нас в помощниках был, нет, я к нему без претензий, коль твоё ружьё, то в чужие руки его давать не смей, правило такое есть, а я вот... Убери, говорю ему, ружьишко под нары мне, а он, из лучших намерений, конечно, в мешок его завернул, из-под соли... Как увидел я это дело, плохо мне сделалось – всё ржа съела: и ствол воронёный, и механизмы хитрые, что внутри с пружинками, и курочки точёные. Мастер там авторитетный был, ничего сделать нельзя, говорит, видишь, говорит, все пружины ломаются, соль в себя натянули. Вот и вспомнил я тогда про дедову одностволочку. Да и рыбалка у меня в ту осень не заладилась, пошёл в тайгу и, представляешь, каждый выстрел удачный, как бах, так в сумку, как бах, так снова в сумку, даже подранка никогда не было, – Арсений быстро разобрал щучью голову, при этом даже не взглянув на неё, смачно обсосал и, покидав кости в костёр, продолжил.

На лице Лизы не было и тени улыбки, Серёгин тоже не проронил ни слова, лишь закинул в рот кусочек сахара и запил его остывающим чаем.

– Ну, приехал я домой и охотой занялся, всю деревню в сезон дичью снабжал: так раздавал, коптил, солил, скупщикам сдавал. Я тогда лучшим охотником считался, по конкурсу у них, значит, первую премию взял, пятьдесят рублёв, значит, половину припасами дали, а половину, значит, деньгами. Вот пока эти конкурсы всякие, там ещё по мишеням стреляли, захворал я шибко. Вот тогда и познакомился я с твоей бабушкой. – Он обнял свою кружку обеими ладонями, отхлебнул из неё, улыбнулся, глядя на притихшую Лизу, и вновь заговорил. – Всё болело, ничего не помогало, лекарь из Енисейска приезжал, брюхо хотел резать, не дался я. Посмотрела меня Акулина Андреевна, брюхо моё даже и мять не стала, только голову немного потрогала, всё больше о жизни расспрашивала, а потом и говорит: «Всё само пройдёт, как только на охоту пойдёшь». «Как так?» – говорю. «Бес в ружье твоём живёт, охотой он шибко увлекается, не может, стало быть, без охоты, и тебе не даёт. Ни друзей у тебя, ни супружницы не будет, потому как вещи эти с охотой не совмещаются». Это, мол, он так считает. «Но не расстраивайся, – говорит, – бобылем будешь жить, но пользу людям всё равно приносить можно, и деток нарожать можно, только воспитывать их другие люди будут, но зато жить будешь, пока сам не устанешь...». Поблагодарил я Акулину Андреевну, домой еду, думу думаю; и поверить страшно, и ведь правду сказала, ничем, кроме охоты, заниматься не могу. Раньше и рыбачил, и лодки мастерил, грибы-ягоды заготавливал, а горшки какие мы с родителем делали, он из Мордовской родом-то, загляденье. А сейчас все, кроме ружья этого, из рук валится. Проверить решил: взял ружьё это, да в лес отправился, родитель мой ругается: «Куда пошёл, еле на ногах стоишь...». В лес пришёл, а хворь как рукой сняло. Охотиться стал, но проблема-то осталась. И ещё чего заметил: на испуг соболя один раз стрелил, густущая ёлка была, а он там, значит,

схоронился, пальнул я по верхушке, наугад, смотрю, а он камнем вниз падает. А потом специально, значит, мимо целить стал. Сидит глухарь на одной стороне дерева, а я на два аршина левей, ну, или выше его, садану, а глухарь на землю падает. Патроны плохие специально снаряжать начал, ну, там порох дрянной или недовес какой делать начал, всё равно – все выстрелы удачные. Это, стало быть, бесёнок этот мне помогать вздумал. Тогда у меня и возникло решение это, да ещё рассказали, что батенька мой, когда, значит, ругал меня про охоту-то эту, заболел крепко, кровь горлом пошла, еле жив остался. Отправился я пряменько к Акулине Андреевне. «Пересмотрел, – говорю ей, – я позицию жизненную, что делать, может, в речку его бросить, ну, ружьё-то это проклятое...». «Нет, – говорит, – не поможет; его уже и в огонь бросали, и о камни били, только злобу-ненависть к себе возбудишь, зачем тебе это». «Делать что-то надо, – говорю, – двух дней не могу в деревне прожить, в тайгу всё гонит, проклятый». «Не ругайся, – говорит она мне, – сам же его купил, вспомни лучше, как это было, помнишь ли, что говорил тебе человек этот, что с тебя сказать потребовал». «Да, – говорю, – помню, словно вчера всё было». «Ну вот, и тебе так сделать надобно, коль избавиться от него хочешь, то совсем и продавай...» Поехали мужики на ярмарку, да и я с ними увязался, будто купить мне надо что-то. Неделью ехали, неделю шесть обозов утками да рябками кормил, не могли нарадоваться мужики. А потом понять не могли, ну зачем я за бесценое ружьё такое славное продал, а у меня как камень с души свалился...

– А ты, я понял, не местный? – и не успел Серёгин рта раскрыть вдогонку, задал второй вопрос: – За невестой приехал? Да? – его глаз глянул в сторону Лизы, – свататься, да?

– Из Енисейска я... но... нет, заболел... – Серёгин глянул на Лизу: щёки её пылали, в таком смущении Сергей её ещё не видел, и, хотя глаза её были опущены, она нашла в себе силы вмешаться в разговор:

– Да, хворый он, лихорадка у него была страшная, еле выходили мы его с бабушкой, идти он пока не может. Пока до речки идёт, вон, два раза отдыхает, вот я с ним и осталась. А его вы ни о чём не спрашивайте, у него последствия на разуме остались, путает он всё, а иногда и совсем непонятное говорит, да и вредно ему, наверное, говорить. Вы лучше ещё расскажите что-нибудь, ловко у вас это получается.

Серёгин, не ожидавший такого поворота, сначала опешил, а когда сообразил про все прелести такой позиции, закивал головой, радуясь удачному выходу из ситуации, но с тревогой соображая, действительно ли Лиза так считает, и что она знает о нём по-настоящему. Арсений несколько раз перевёл свой взгляд то на одного, то на другого:

– Не жених? – остановившись на Лизе, спросил он.

Лиза отчаянно замотала головой. Арсений снова глянул на Сергея:

– Не жених, значит, а чего он у тебя в рубaxe? – но, поймав на себе Лизин взгляд, значение которого Серёгин не понял или не успел его разглядеть, замолчал, прокашлялся.

– Ну, красивая рубаха, как у жениха, – договорил он, виновато опустив свой глаз. – Я чего понял, вы уже домой собрались, скотомились вон уже, – и он мотнул головой в сторону мешков, которые, по мнению Сергея, были надёжно спрятаны, – дак, вам, может, помощь нужна, может вам лошадёнку дать?

Сергей перестал выпячивать грудь, по левой стороне которой, как рунные завитки, мелкие резные листочки причудливо переплетались с цветами, непохожими ни на один цветок земли – родиной цветов этих была Лизина душа, и сейчас, прижав эти цветы рукой к своему сердцу, он ощутил тепло Лизиних рук, словно приблизился к ней и почувствовал прикосновение её тела, ощутил её дыхание...

– Эй, э-э-эй... – Серёгу тряхануло, он как будто упал с небольшой, ну, сантиметра в три, высоты.

Но вот эти взывания приблизились, и он увидел Арсения; он зачем-то водил у него перед носом двумя прямыми пальцами с неровно подстриженными ногтями.

– Ну, верно не в себе?

– А-а-а? – протянул Серёгин.

– Я чего спрашиваю, вы лошадью править сможете, лошадь у меня есть.

Серёгин закивал, Арсений отодвинулся и оглядел его как-то с сомнением. Серёгин вернулся к разговору:

– Лошадь – это хорошо, – проговорил он, ища глазами поддержки у Лизы, та чуть кивнула.

– Ну, хорошего там ничего нет, четвёртый год уже в третьей категории ходим, – и, поймав непонимающий взгляд Серёги, добавил: – Это когда для работы не годна скотина становится – на отдых или на забой. Ну, поотдыхала она немножко, а толку нет, вот и отправили лошадёнку коновалам, а это же в город гнать надобно, сколь там... три версты прошла, она и упала. На заре пришли за мной. «Пойдём, – говорит председатель, – кобылу пристрелить надобно». А дело-то на святой седмице было – нельзя такие дела делать. Пришёл я, значит, с ружьём, а сам даже патрона не взял, думаю, скажу, что забыл. Пришёл и думаю, как сказать-то председателю, что на пасхальной неделе стрелять не хочу. Лежит она, горемычная, на боку, глазами так хлопает, а председатель и говорит: «Хоть за шкуру бы выручить». «Отдай её мне, – говорю, – за шкуру я уплачу». Посмотрел на меня так председатель, понял, что не шучу. «За шкуру и четыре пуда мяса», – добавил он сразу. Подумал я немного, так, для куражу больше, смотрю, мужики, которые её обдирать, значит, должны были, тоже не хотят руки в крови марать. «Ладно, – говорит председатель, – давай только как за мясо. Говори конкретно, сколь в рублях хочешь». А цена приёмная двадцать рублёв была. Вот на восьмидесяти рублях и договорились. Внучок мой, Егорка, три ноченьки тогда у дороги ночевал, лапник под неё подкладывал, укрывал на ночь, я приходил, пойло тёплое варили, тайком от жены муку таскал, подкармливал. Это ведь она с голодухи чуть не пала, а так, совсем нестарая, на четвёртый день встала. Егорку моего любит шибко, а председатель бумагу написал, мол, кобыла списанная и налогом не облагается.

– А когда вы сможете отвезти нас? – тихонечко спросила Лиза.

Оценивающий взгляд Арсения пробежал по Лизе:

– А ты-то лошадь запрячь сумеешь?

Лиза кивнула.

– Ну, тогда давай так сделаем: завтра утром я приведу её, волокуши сделаю, поклажу увязать помогу, и отправляйтесь с богом. Только дома привяжи её на длинных вожжах, там, где травка зелёная найдётся, да по вечерам на речку её водить надобно, чтобы напоить. Бабушке поклон передашь от Арсения, – он усмехнулся, – которому она водицы из речки черпала, – он снова расплылся в улыбке.

Интересно было наблюдать, как этот суровый таёжный человек преображается, когда уходит в приятные ему воспоминания, когда на его загорелом, нет, скорее, обветренном морщинистом лице появляется открытая добродушная улыбка.

Уродующий его шрам уже не казался таким безобразным, он даже помогал раскрыть тайны в истории этого человека, проникнуть в его переживания, насладиться изобилующим, дарящимся всем жизненным опытом. Серёгин почему-то готов был полностью довериться этому человеку, но расчехлить свой фотоаппарат он не решался. А ведь такой типаж...

– Какую водицу? – спросил Серёгин, предчувствуя новую историю.

– Сейчас, – сказал Арсений Серёгину и снова обратился к Лизе: – А я денька через четыре подойду, мне лабаз надо справить, а то мыши-то все сухари растащат, да кулёмки надо обойти проверить, а потом и за лошадкой приду... А Сергею хуже-то не будет? – спросил он, чуть понизив голос.

Лиза мотнула головой.

– Ну, из-за рассказней моих.

Лиза снова замотала: «Нет-нет, не должно».

Арсений чуть отодвинулся от стола, вытянул в сторону ноги, потянулся, хрустнув костями, подождал, пока Серёгин устроится поудобнее и начал:

– С водой – это тоже целая история, нет, история, конечно, не с водой, а со мной была... Женился я, значит, как с войны-то пришёл, мне тогда уже ведь тридцатый годок был. Нюрка красавицей была, и не глупая, несмотря на то, что не грамотная. И до сих пор ведь не выучилась, а ведь лучше любого бухгалтера учёт ведёт, у неё в амбаре на бревне какие-то палочки, крестики, кружочки всякие мелом нарисованы, всё знает, всё помнит, ну да ладно, не про это хотел-то...

Лет пятнадцать прожили мы с ней душа в душу, шестерых ребятишек нарожали, а потом ни с того ни с сего грызня меж нами началась. Я ей слово – она мне два, я ей два – она мне три, дальше – больше, посуду бьём. Я всегда парнем горячим был – дверь один раз вместе с косяком вынес, дети, стыдно сказать, к соседям убегали, страшно, значит, им так было. Уходил от греха подальше, но тоже не мог без неё. Вернусь домой – Анна довольная, что вернулся, говорит, что соскучилась, – любовь, стало быть. Два дня, ну, три длится любовь эта, а потом по-новой всё. Сглазили, стало быть, семью нашу, из зависти, похвалился перед кем-нибудь, вот и позавидовали люди... Тогда и отправился я к Акулине Андреевне, пришёл, рассказал всё как есть, ночевал на сеновале у неё тогда ещё, а утром она мне и говорит: «Нет на тебе сглазу никакого». «Как так? – говорю, – а что же происходит тогда?» Пожала она плечами так, мол, не знаю, и говорит: «Но есть средство одно верное, давно его берегу». Умолять я её начал: «Боюсь, добром это не кончится, – говорю ей, – иль удавлюсь я от такой жизни или её сгоряча зашибу». – «Что ты, бог с тобой, – и выносит, значит, мне бутылку. – Вот, – говорит, – отлила немножко, слушай внимательно. Как увидишь, что дело к ссоре, пойдти тихонечко, только Анне своей ничего не сказывай, отойдёшь, где тебя никто не видит, и из бутылочки маленький глоточек сделаешь, только проглатывать её нельзя, ни в коем случае, и выплёвывать, пока повод для скандала вашего не исчезнет, тоже нельзя. А вот как мир снова образуется, можно проглотить тихонечко или выплюнуть, но так, чтобы никто не увидел». Поставил я бутылку эту в чулане. Как начнёт моя Нюрка придирается ко мне, я сразу в чуланчик, к заветной бутылочке, сижу, смотрю на неё, а она разоряется, ну а мне ответить-то никак нельзя, водицу-то эту не выплюнуть, не проглотить раньше времени. Первый раз шибко тяжело пришлось, сижу я, под столом кулаки сжал, но не сглотнул, не выплюнул, всё, как Акулина Андреевна говорила, выполнил, и действительно, дальше легче пошло. Баба моя всё смирнее делалась, всё покладистой становилась. А потом и вовсе про бутылочку эту забыл я. Оставалось там чего иль нет – не помню, стоит в пыли вся в чулане, в уголке, неприметно так. Это я года два, значит, про неё не вспоминал, а остатки водицы высохли, наверное, пробка там модная такая была, винтовая, неплотно закрутил я её, вот и высохла. По осени как-то пошёл сюда на охоту, дай, думаю, до Акулины Андреевны дойду, поблагодарю, да бутылочку отдам, пригодится ведь, манерная такая бутылочка, редкая. Пришёл, поздоровался, поблагодарил, а как увидела Акулина Андреевна, что я бутылочку эту из мешка достаю, вид сделала, что удивилась и спрашивает: «Неужто снова водица понадобилась?» – «Нет, – говорю, – слава богу, не помню, когда и ругались-то в последний раз...». – «А то ведь если надо, давай, зачерпну. Мне ведь не жалко», – говорит, а сама смеётся надо мной. – «Как, – говорю я ей, – где зачерпнёте?» – «Да где и тогда – в речке, – и снова смеётся, – если, конечно, дома у тебя воды нет». Я ещё понять не могу, а она сурьёзной враз сделалась: «Вода, она любая пойдёт, хоть из речки, хоть из колодца, хоть из кадушки твоей, даже чаю из самовара хлебнуть можно, тоже поможет, коль собственной силы к терпению не хватает». Тут я и понял всё, нет, я без претензий, просто я ведь считал, что мне зелье это помогает, а это вон чё, я промолчал, просто не ответил, вот ссора и не получается... А бутылочку ту она мне подарила на память, говорит: «Чтоб промолчать, когда нужно, мог».

Ну ладно, за хлеб за соль бог спасёт, а мне двигать надо. Завтра, как светает, ждите... А, может, ко мне в избушку пожелуете? Ночами-то прохладно уже, места-то всем хватит.

Серёгин глянул на Лизу – та замотала головой:

– Не-е-е, нам ещё собираться надо, да запруду сходить разобрать надобно.

Арсений, начавший было вставать, сел на место:

– Это вы молодцы, что про речку помните, а то ведь как бывает, вроде сурьёзный человек, а сети свои или «морды» какие бросит – то лень, то забудет. А река перегорожена получится. И рыба гибнет за просто так, и другим никакого улова, и ведь говорить бесполезно, не понимают. Запруду ту мне оставьте, как не надобна будет, сам разгорожу.

Лиза кивнула. Получив согласие, Арсений отставил свой мешок, вынул оттуда топорик и отправился по тропинке в сторону речки. После четверти часа работы Арсений приволок к костру две длиннющие черёмуховые жердины и спросил, есть ли у Серёгина топор, и как всегда, не дожидаясь ответа, сможет ли он ошкурить их. Серёгин кивнул и принялся за работу. В следующий раз Арсений появился с огромным бревном на плече:

– Вот, сушину нашёл, этого вам на всю ночь хватит, – от удара о землю сушина сломалась, на что Арсений, довольно почесав брюхо, пробасил: «Во как, аж на три части», – и одну из них закатил в кострище одним концом.

Под ним тут же, веселясь, облизывая подарок, засуетились языки пламени. Арсений осмотрел Серёгину работу, взял ту жердь, с которой Сергей уже закончил, и тоже взялся за топор:

– Ты, Сергей, не подумай, что я против слов иностранных совсем-то, но ведь это в науке, это я без претензий, – начал Арсений, когда Серёгин закончил шкурить вторую жердь и подошёл глянуть, что делать дальше.

– Дальше я сам, я ещё у костра мозоли твои заметил, с непривычки, да?

Серёгин ничего не ответил, а лишь глянул на свои руки и сделал удивлённое лицо.

– Садись, отдохни, скоро помощь твоя потребуется. Рыбачили когда мы артелью, парень с нами был, Демьян Понамарёв. Знал Демьян тот немецкий язык иль нет – того не ведаю, но здоровался со всеми по-немецки: «Гутен таг», – будет, значит, по немецки-то. Не ради забавы, а всё потому, что не говорил Демьян буквы «р», с детства не говорил. Ну, а чтобы не смеялись над ним, не дитя уж, лет сорок пять ему миновало, придумал он слова разные, чтобы заменить эту сложную для себя букву. Ремень у него тесёмочкой был, ружьё стволинкой называл. А вот топор, как ты назовёшь?

Серёгин чуть подумал и пожал плечами.

– Колунчик, – радуясь озадаченному виду Сергея, сообщил Арсений, – топорик, значит, маленький колунчик, а большой топор – большой колунчик. С охоты придёт, рассказывает: «Маленькая пихоточка», – это рябок у него, значит, потому что пихту клевать любит, «глухарь» – большая пихоточка. Мужики смеются: «А курица как у тебя будет? Сррредняя пихоточка, скажи, Демьян, сррредняя». «Нет, – говорит он, – это будет домашняя птица или несушка». Всякие задания мужики ему придумывали, на всё у него ответ был, и так удачно он эту букву обходил, диву все давались. Вообще, у него особый склад ума был, творческий, он даже пьесы писал, и всё складно у него выходило, но вот здороваться, иначе как «гутен таг», он, значит, не придумал.

Арсений принялся за вторую заготовку, ловко орудуя топориком, но не прекращая свой рассказ:

– Ну, вот и поздоровался. Он вежливый такой был, со всеми здоровался, с кем за руку, кому поклонится, сняв шапку, учтиво так, а кому и «гутен таг» достанется. Встретил он как-то у церковки женщину одну, – Арсений замолчал, перекинул топорик в левую руку и быстро перекрестился, – нету уж её, церковки той. Казанской Божьей Матери престол был, а шас из кирпича этого в Новоназимова печи делают. Купол был такой... как карандаш наточенный. Ох, не к добру это, – и он снова быстро перекрестился и взялся за топор. – Женщина эта немного старше его была, лет на пять, наверное. «Гутен таг», – говорит Демьян ей, а когда

та с другой стороны улицы, значит, улицы-то широкие были, на него внимание обратила, ну, повернулась к нему, наверное, он ещё и рукой ей помахал. Не знал Демьян, что она не только глуховата, но и слеповата уже, да и никто не знал. Семья большая была у неё, сыновья взрослые, старшой-то, говорили, с кистенём промышлял, но в то время, слава богу, уже на каторге был. Пришла она домой и говорит: «Обругал меня этот, из артели рыболовецкой, мать твою... так, сказал, да ещё и кулаком погрозил на глазах у всего народа...» Ну, сыновья у неё ребята лихие были, миролюбием особо не отличались, догнали Демьяна и давай его пинать. Хорошо наши, артельские, увидели, отобрали. «Он нашу мать оскорбил», – кричат, а Демьян-то ничего понять не может, сопли кровавые по лицу мажет. – «Не знаю, – говорит, – не было такого». А эти орут: «Прилюдно обругал, да ещё кулаком грозил!» Не унимаются, тогда, видно, сообразил кто-то: «Ты, Демьян, поздоровался, наверное». «Может быть», – отвечает тот. «А как ты поздоровался?» – до наших-то мужиков дошло уже, из-за чего конфликт-то вышел. «Гутен таг», – прочамкал он разбитыми губами. Ну, тут и объяснили этим драчунам, что не выговаривает он буквы «р» и поэтому здороваются, значит, по-иностранному. Не верят. Достали тогда мужики у него из кармана книжицу записную, а там целый словарь, ну, Демьяном составленный, и пальцем ткнули в строчку, где написано: «Гутен таг» – доброе утро. А уж когда свидетели нашлись, что не посылал он мать ихнюю по матери, стало быть, и кулаком не грозил, а только поприветствовал, – на мировую пошли, водки вместе выпили. Вот, Сергей, такая история, а выводы сам делай, ну, иди сюда, помогай...

За время своего рассказа Арсений комлевую часть заготовок, метра по полтора-два, стесал с одного бока почти до половины толщины жердины, но сантиметров за сорок до комля она постепенно приобретала прежнюю толщину. Сейчас же эту заготовку, в этом самом утончённом месте, как понял Серёга, надо было загнуть. Так они и сделали: короткий конец сунув между двух близко растущих ёлок, а длинный рычаг закрепив вбитым в землю колом. После этого Арсений спрятал свой топорик, попрощался и отправился в свою избушку.

Глава 5

Лошадь надо было вести в поводу. Шла она медленно, вдумчиво переставляя ноги, словно осматривала землю своими близорукими, если можно так сказать, глазами, перед тем, как поставить на неё копыто. Возможно, в прошлом она была вороной, но сейчас её масть



определить было весьма проблематично: серые, рыжие, красно-коричневые пятна покрывали всю её шкуру, не подчиняясь никакому порядку. Мало того, при изменении цвета менялась и длина волос. Грива её вдоль шеи была коротко подстрижена, а со лба, между ушей свешивалась совершенно седая, но довольно кокетливая чёлка. Худые ноги с тяжелыми узлами суставов, тощие рёбра с натянутой на них шкурой неопределённого цвета, постоянно стрекочущие уши, размеренно болтающийся хвост, – без грустной улыбки смотреть на это было невозможно. Она понимала, что в жизни что-то не так, понимала, что нужно что-то изменить, словно «запанковавшаяся» старушка, пытающаяся поменять свой имидж. Но что и как делать, она, конечно, не знает, а скорее всего, просто уже не может. Культурка. Услышав своё имя, она виновато поворачивала голову, на мгновение перестав стричь ушами, хлопала своими изъеденными гнусом веками и кивала головой, дескать: «Да, я – Культурка, чего хочешь, человек?» Сергей несколько раз повторил её имя, глядя морду и пытаясь уложить как бы мелированную чёлку:

– Культу-у-у-рка, Культурка, а почему Культурка?

Арсений покосился на Лизу, та недалеко возилась с узлами, и, понизив голос, проговорил:

– Пукает она часто... – Серёгин воспринял это как шутку, но Арсений совершенно серьезно добавил: – Это после болезни у неё. Егорка её Ласточкой хотел назвать, а как поедem

куда – мужики ржут, неудобно как-то в общественном-то месте, вот и привязалось к ней это имя. А я что? Я без претензий. Пусть веселятся.

Но кобыла стояла смирно, сонно жуя подножный корм, и ничем байку своего хозяина не подтверждала. Началось всё, когда они тронулись в путь. Происходило это так часто, что через полчаса ходьбы стало обычным, каким-то привычным и даже необходимым звуком. И когда хотя бы два-три шага слышалась только поступь некованных копыт без характерного звука, Сергей, а он шёл замыкающим, начинал пересчитывать мешки и узлы, а Лиза оглядывалась – не случилось ли чего.

В путь тронулись, как только обсохла роса. А с утра Арсений доделал волокуши. Две заготовки, которые они загнули вчера, за ночь почти высохли и держали приданную им форму. Они стали оглоблями, а их загнутые концы, едва коснувшись земли, снова приподнимались, становясь как бы полозьями маленьких санок, в этом месте и располагалась вся поклажа. Без единого гвоздя Арсений установил между этими полозьями распорки, потом из тонкого черемшника появилось что – то вроде решётки, на которую и увязали все тюки и мешки. Предполагалось даже одно посадочное место, на одном из мешков.

– Если кто устанет шибко, – проговорил Арсений и хлопнул ладонью по пыльному мешку. Он попрощался и отправился по своим делам.

Подобные конструкции Серёгин видел в деревнях, но не в действии, в их предназначении он не сомневался, считая, что это маленькие саночки. Почему такие маленькие? Ну, наверное, для маленькой лошадки... А оказалось – вон как! Лошадка вполне обычная, просто тащить эти саночки – их Арсений называл «волокушами» – надо было не по снегу. Преимущества перед колёсами, а они были бесспорными, Сергей уже заметил. Во-первых – простота и быстрота изготовления; во-вторых – бесшумность передвижения: волокуши не трясло и ничего в них не скрипело, как иногда бывает при эксплуатации телег; а в-третьих – это, пожалуй, самое главное достоинство – чудо-повозка с лёгкостью преодолевала бездорожье. Серёгин шёл позади, видел и удивлялся, как преодолевались заболоченные участки; там, где он проваливался чуть ли не по колено, саночки тонули, ну, сантиметров на пять-десять. По колеям и косогорам, где, по его мнению, перевернулся бы любой УАЗик, их повозка проходила, лишь слегка замедлив ход. Полозья, широко расставленные в стороны, словно цеплялись за землю в нужное время, в то же время они легко скользили и по траве, и по пыльной дороге. Деревья, упавшие через тропу, тоже не представляли для них препятствия, если, конечно, лошадь могла перешагнуть лежащий на их пути ствол. Лишь один раз Лиза просмотрела пенёк, и пришлось Культурку спятить на пару шагов назад. Пень этот был сантиметров семьдесят и поэтому не прошёл под волокушами. Будь он ну хоть чуточку короче, его бы даже и не заметили.

Сергей шагал и обдумывал последний разговор с Лизой, точнее, разговор, который произошёл последней ночью. Возбуждённые предстоящим отъездом, а, может быть, разбалованные Арсением, который оставил им обилие дров, они долго не ложились спать. Сидели у костра. Сидели и разговаривали. Разговаривали и пили чай. Пили чай и при свете костра смотрели друг на друга.

За эту ночь Серёгин получил множество ответов на вопросы, которые уже давно волновали его. Получил ответы на вопросы, которые задавал вслух, которые крутились у него в голове, но произнести которые он никогда бы не решился. А также были вопросы, о существовании которых Сергей даже не догадывался. Сейчас, шагая за волокушами, перескакивая через поваленные деревья, шли они не по дороге, а по еле заметной, петляющей тропе, которая иногда терялась в мелкаче. Под ритмичный аккомпанемент Культурки его мысли строились в какой-то порядок, и у него начинала рисоваться почти понятная, но в то же время совершенно необъяснимая, местами абсурдная картинка. Так, всё по порядку, как говорится, по полочкам.

Он действительно в прошлом, году, эдак, в двадцать третьем-двадцать пятом. Точнее из Лизиних рассказов он определить не смог, а на прямо поставленный вопрос Лиза ответить

не смогла. Он в прошлом, но Лиза это прошлое прошлым-то не считает, да и все остальные: Арсений, бабка Акулина, Николай с Тимофеем, сестрёнки-кикиморы, пожалуй, тоже живут в настоящем. Да, в самом настоящем настоящем. Нет, он не сумасшедший, эти кикиморы, Иринка с Маринкой, действительно здесь живут, в своём настоящем. И его здесь никто психом не считает: ни Лиза, ни бабка Акулина... ну, наверное. Он узнал, что это бабка Акулина отправила девчонок Иринку с Маринкой его из болота вывести. Нет, он не псих, он всё прекрасно помнит: город, последние встречи... ну, там, проблемы с ЖКХ, разговоры, обсуждение его новой выставки. Да, кстати, фотоаппарат прекрасно работает, только настройки все сбились, компьютер чушь всякую показывает, что касается года и времени съёмки – по нулям всё, а остальное всё работает. Но как он сюда попал и как вернуться назад – Лиза не знает. «Бабушка ночью засуетилась, кикимор кликнула, а на следующий день и мы в дорогу засобирались, мне она ничего не объясняла», – виновато ответила Лиза на этот вопрос. Живёт она с бабушкой в лесу, пасеку держат, рыбу ловят, а коль какую тяжёлую работу надо сделать, то кикиморы какого-нибудь человека приведут, и что сами они у бабушки в услужении за провинность какую-то. И Арсений, скорее всего, не случайно рыбки половить сюда пришёл. Иринка скорей всего навела. И, вообще, это всё серьёзно, не шутят с этим. А рубаха... врачевала его эта медновласая зеленоглазая бестия не только травками... рубаха свадебная, обрядовая. Он, конечно, может к этому не относиться серьёзно, но в нём, в Серёгине, сейчас есть частичка её души, потому что не было другого способа вырвать его из лап смерти, то есть спасти от лихорадки, и что хочет он этого или нет – они теперь как жених и невеста. После этих слов Лизаглянула на него расширившимися зрачками не как обычно, а по-особому, как-то с вызовом. Все травы окрестных полянок своей колдовской непокорностью блеснули в её глазах, а, быть может, во всём виноват костёр, жарко пылавший между ними, это он и его искры, разрезавшие темноту осеннего неба, отразившись в Лизиних глазах, дали такой неожиданный эффект. Это сейчас он может рассуждать, а тогда он замер, сердце его начало долбиться, словно Копперфильд, запертый в гробу, заподозривший, что гроб этот не из реквизита, а вполне настоящий. Но потом он узнал, что всё это ненадолго, надо лишь выздороветь да в баньке попариться, да бабкиного зелья ещё надо будет выпить, она зелье-то это уже варит, наверное, и всё, никаких обязательств. При этих словах взгляд Лизы, снова кроткий и смиренный, направлен был куда-то в сторону. Потом ещё четверть часа она избегала подымать глаза, смотрела на угли и молчала, затем, словно очнувшись, пожелала Сергею спокойной ночи и отправилась спать.

Как выбраться назад? Нет, это вперёд называется, вперёд лет на сто. Кто и за что закинул его в прошлое? Он жив? Пульс примерно в норме, температура – сейчас тоже. Лиза. Лиза тоже вполне живая, он никогда её раньше не видел, чтоб ей быть плодом его фантазии, мечтаний или галлюцинацией. Она настоящая, тёплая, нет, это не бред, она переживает за него. И рубаха... ну обряд с этой рубахой, наверняка, был для Лизы какой-то жертвой, а он вчера не только не оценил этого, но и, скорее всего, обидел Лизу своей реакцией. Пенёк. Ведь знал, что рубаха – это оберег, не вчера родился да и почувствовать мог. Ну валенок, ничего не скажешь... А бабка? Бабка должна что-то знать, неспроста она ночью кикимор к нему отправила... Так или почти так думал Серёгин, думал и шагал позади волокуш, бережно придерживая сумочку с фотоаппаратом на груди. С утра была обильная роса, и, по приметам Лизы, дождя не должно было быть.

Дождя, действительно, не было, но и солнечным день нельзя было назвать. Лёгкий ветерок трепал верхушки уже почти голых деревьев, но они безропотно продолжали обнажаться, стыдливо трясясь на этом бессовестном ветру, но продолжая терять, воспринимая это как должное, как неотвратимую жестокую безысходность, свои бесценные листья. Несмотря на свои думы, Серёгин не смог удержаться от нескольких кадров. Не смог его оставить равнодушным кружащийся красно-жёлтый водоворот на фоне тёмно-синих, почти чёрных, будто

грозовых туч, сквозь которые, однако, пробивались как что-то острое, опасное, словно в руках неумелого хирурга-практиканта, лучи солнца.

Но шагалось на удивление легко: с одним привалом и перекусом – была отварная рыба и жареная бобрятина – Арсений принёс. По его мнению, Лизе должно было понравиться – его хитрющие глаза стрельнули в её сторону – но есть эту бобрятину должен был почему-то только Сергей, да и Лизе говорить, что это за мясо, было совсем необязательно. Вот так, с одним перекусом, они прошагали, наверное, десятка два километров. Его мысли прервало ржание лошади. «И-гы-гы-гы» – отозвалась Культурка и замотала головой, чуть не вырвав повод из рук Лизы. От неожиданности сердце у Серёги замерло, и, наверное, даже пропустило один удар. Он осознал, что первое «и-го-го» принадлежало не Культурке. В то же мгновение приветственное ржание другой лошади повторилось.

На дороге, которую им надо было пересечь, а, может, и двигаться по ней – приближались они к ней по касательной – шла лошадь, запряжённая в небольшую одноосную телегу. Нет, она сначала шла, а теперь, когда до места их предполагаемой встречи осталось метров пятьдесят-семьдесят, повинувшись натянутым вожжам, остановилась. На телеге сидели двое. Один из сидевших соскочил, неторопливо обошёл вокруг своей лошади и, словно в этом была какая-то необходимость, начал что-то поправлять в её сбруе. Понимая, что его необычно синяя торба обязательно привлечёт ненужное внимание, Серёгин обошёл волокуши, чтобы скрыться с глаз нежеланных наблюдателей. Под полу шинели? Нет, неловко как-то топорщится. Сумочку он сунул между мешками, а сверху кинул шинель, оставшись в одной рубахе. А Лиза меж тем ничуть не колеблясь, не сбавляя шагу, смело шла впереди.

– Здорово живёшь, дядя Коля.

– Здорово, Лизавета, здорово.

Сергей выпрямился и только сейчас узнал Николая, того, первого из людей, кого встретил здесь. В три-четыре широких шага он обогнал Культурку, догнал Лизу и тоже поприветствовал Николая.

– Здравствуй, здравствуй, Сергей Серёгин, а я смотрю, как будто шинелька знакомая шагает. Присмотрелся, а он уже и шинельку скинул. Неужто жарко стало? – оглядывая его с ног до головы, как будто с какой-то язвинкой проговорил Николай. – Или обновой решил похвастать, а?

Серёгин быстро глянул на Лизу – её взгляд ничего не выражал, даже казался каким-то равнодушным.

– Я сумочку снял, снял и спрятал, шинелью укрыл, там, на волокушах. А то заметная сильно торба-то моя, – а увидев понимающий взгляд, добавил: – Я не признал вас сразу-то, не ожидал, что так быстро встретимся...

– Молодец, что приделся, вон, хоть на человека стал похож.

В Лизиних глазах блеснул интерес:

– А вы, дядя Коля, к нам собрались, да?

– Да, вон, тётке Шуре чёрт привиделся, перепугалась, хочет о чём-то с бабушкой твоей поговорить.

Лиза хмыкнула, взяла Культурку под уздцы и пошла по дороге. Сергей с Николаем двинули следом. Николай словно забыл про свою кобылу и её пассажирку, но, заметив Серёгино беспокойство, прокомментировал:

– Всю свою лошадиную жисть в обозах проходила, ей сейчас работа более чем понятна. Пойдём-пойдём, никуда она не денется.

И действительно, не успели они сделать и пары шагов, старая Серёгина знакомая, лошадь с грустными глазами, словно повинувшись невидимому кучеру, послушно тронулась за ними. Серёгин оглянулся на старуху, сидевшую на телеге:

– Я слышал, что женщина эта чёрта видела... прямо настоящего, – полушёпотом начал он.

Николай, как всегда, был совершенно спокоен:

– Ну, настоящего или нет – не знаю, но, я понял, с рогами и копытами, – в уголках его глаз пряталась ироничная усмешка: – Она мне все уши за эту поездку прожужжала. Хошь послушать?

Серёгин закивал так, что его полуотвисшая челюсть пару раз повторила его кивки, сопровождая это лязгом зубов. Николай шагнул на обочину, пропустив вперёд кобылу – та послушно прибавила ходу. Сергей, поняв суть манёвра, тоже отошёл в сторону. Шли они теперь позади телеги, старуха, сидевшая в ней, принялась без утайки, нисколько не стесняясь, разглядывать Сергея. С точки зрения фотографа, интереса как модель старуха не вызвала. Заметил Серёгин лишь одну деталь – на ней было два платка. Верхний тёмно-серый, нет, скорее, грязно-серый, был довольно несвеж, потёрт, засален, его концы неаккуратно растрепавшись, виднелись в самых, казалось, неожиданных местах. Под подбородком, на плечах, подмышками, прямо на голове, и даже под её грудью, пропущенные из-за спины, кончики, сближаясь с себе подобными, оканчивались маленьким, обрыскавшимся, грязно-серым узелком. Но по овалу её лица, словно подворотничок старослужащего, тоненькой белой каёмочкой высывался чистенький, скорее всего, даже накрахмаленный, платочек. Её глаза неторопливо, методично ощупывали Серёгу, но позволено ей делать это было недолго. Вопрос Николая сначала переключил её как бы на другой канал, а затем и вовсе вывел из действительности.

– Тётя Шура, про чёрта расскажите, вот, молодой человек не знает ещё, – почти прокричал Николай, как бы наклонившись над старухой. – Ну, слушай, Сергей Серёгин, – подмигнул ему и быстрым шагом стал помаленьку догонять Лизу.

– В Ялани сватья у меня живёт. Погостила я у неё чуток, но пора и честь знать, домой, значит, я собралась, – неожиданно громким голосом начала тётя Шура.

Говори она на два, нет, на три тона тише, её можно было слышать сидя на волокушах, а сейчас её, наверное, прекрасно слышали Лиза с Николаем. Очевидно, старуха была глуха и поэтому считала, что её никто не слышит.

– Отошла от деревни я, значит, с версту, не больше, гляжу – на тропинке козёл стоит. А Анисья, сватья-то моя, жалилась мне, что козёл у неё потерялся. Славный козёл у Анисьи был – здоровый, полтелёнка – не меньше. Да не в этом дело, красавец, а не козёл: борода седая, сам чёрный, шерсть блестящая, а рога крученые, точёные, а нраву какого дерзкого был – все собаки его боялись. Шибко переживала Анисьюшка – две ночи на то время её Костя дома не ночевал, – старуха замолчала и задала Серёге вопрос, которого он никак не ожидал, считая, что старуха находится где-то там, в себе, в своих переживаниях. – Ты понял, что Костей она козла этого называла? – пронзая Серёгина своим взглядом, спросила тётя Шура. Серёгин закивал. – Вот, гляжу, на тропке козёл, значит, на меня уставился, я ему: «Кось, Кось, Кось», а он мне: «Мя, мя-я-я», – ну и подходит ко мне, значит. Ну, гляжу, так и есть, Костя. И борода, и шерсть, рог один у него обломан был, так у этого тоже кончик рога обломан как будто. Только глаза, глаза мне сразу не понравились, дикие они у него какие-то были, ну, думаю, понятно, ведь три дня бедный Костенька в лесу уже бродит, вот и одичал. Доброе дело, думаю, сделаю, недалеко ведь от деревни ушла-то, отведу козла, а в лесу-то и волки могут быть, пропадёт животное. Ворочаюсь я, значит, обратно, в деревню, ну и маню его, значит, за собой – идёт потихонечку, с неохотой так, то меня рассматривает, то травку жуёт, но идёт. Ну, надоело мне эта канитель, солнце уж скоро закатится, а мне ещё пять вёрст до дому топать, а всё ноженьками. А дома, я, чай, не бездомная какая, хозяйство... Ну вот, взяла я верёвочку пеньковую, у меня в котомке завсегда верёвочка есть, на рога ему накинула, да узлом и завязала. Вот тогда дело-то и пошло – идёт козёл за мной, а куда ж ему деваться-то. Я быстренько так иду, чуть замешкаюсь, того и гляди, рогами пониже спины получить можно... Да и оглядываться боязно,

у него глаза какие-то нехорошие... – бабка помолчала чуть и снова обратилась к Сергею: – Ты, молодой человек, глаза у козла когда-нибудь видел?

Серёгин поднял к небу глаза – ему вспомнились несколько снимков, что же в них примечательного... Необычный зрачок, прямоугольничком, и располагается не как у кошки – сверху вниз, а горизонтально – вдоль глаза. Он утвердительно кивнул, но старухе его ответ совсем не был нужен.

– И раньше-то жуткие глаза у него были, а щас обернулась, а он такой ненавистью на меня глядит – жуть, а в зрачках – словно огонь дьявольский. Ближе к деревне заупирался, я верёвку на плечо и волоку его, стало быть, крепкая верёвочка была... А вот когда кресты на маковках из-за поворота видно стало, козёл вообще всеми копытами упёрся и не идёт. Повернулась я к нему, а в глазах у него огонь бесовский так и пылает, аж глаз-то самих не видно. Вспомнила я про Господа сразу, ну и прочитала Иисусову молитву. Заревел козёл тогда рыком звериным, на дыбы встал, чуть копытом меня не ударил и исчез. А верёвочка петлёй завязанной на тропинку упала, я тоже от неожиданности такой на землю упала, спину, вон,шибко зашибла, – старуха сморщилась от боли, попытавшись распрямиться, – но сгоряча не почувяла, сразу-то соскочила, да бежать, и верёвочку ту там прямо бросила, а ведь такая хорошая верёвочка была, – старуха замолчала, то ли прислушиваясь к больной спине, то ли сожалея об утраченной верёвочке.

Когда их глаза встретились, увидел в них Серёгин поиск поддержки, необходимость высказаться.

– И, понимаешь, я ведь собственными руками к сватье-то, значит, чёрта чуть не привела. Это наказание нам, – старуха снова уставилась на Сергея, но теперь её взгляд был более оценивающий, – за внучку нашу... – она чуть понизила голос, словно собиралась доверить какую-то тайну, и снова замолчала, сомневаясь, говорить её Серёге или нет, да какой он ей Серёга, она ведь и имени его не знает, и знакомы-то они с полчаса, и видятся впервые. Первый, а, возможно, и последний раз.

Это так Серёгин рассуждал, а что происходило в голове старухи? Но она всё ж решилась.

– Не, вообще-то Алёнка девка хорошая была – умница, красавица... работящая такая, это, стало быть, когда дома-то жила. Но на беду грамоте её родитель обучить вздумал. Все на покос, а она книжки читает, ещё какую работу мать ей задаст, а она уже устала. Нелёгкая это работа книжки-то, значит, читать, – старуха снова оценивающе оглядела Серёгина. – Ну а как эти-то пришли, в кансамол её приняли, – в её лице сейчас сожаление и неподдельная любовь к внучке сменились откровенной ненавистью, – опушилась она уже к тому времени, заневестилась, парни чаще под окнами на гармошке играть стали, а она, дурёха, в город уехала, по культурной части специалистом стала. В клубе она там самостоятельностью руководила, – бабка – вот чего Серёгин никак не ожидал – вполголоса выругалась и злобно плюнула. – Комиссар какой-то у неё там, в городе, появился, потом уехал, потом ещё кто-то. Как я плакала тогда... потом с художником клубным жила, потом с милиционером, в общем, пошла девка по рукам... Раз приходит начальство в клуб-то, а она пьяная на столе-то этом, где в шары играют, значит, спит в самом, значит, срамном виде, а на брюхе-то у неё ниже пупа, – бабка неожиданно резким движением хлопнула себя по этому месту, – этот, значит, ихний, Ленин нарисован – срамота! – и до того почтенная старушка вновь плюнула, как заправский сиделец. – Ну, художника нашли быстро, все они там спали – это у них собрание ячейки называется. И ведь как хитро нарисовал, где пуп у неё – там у него звезда, ну, на кепке, стало быть. Ну, а там где, – старуха на секунду замаялась, подбирая слово, – там, где у Ленина ихнего борода, там, значит, у Алёнки настоящая шерсть начинается. И ведь как, паршивец, нарисовал, смывать всяко пробовали – не получается... Вот так, мил человек, не уберегли мы внучку, не уберегли... Люди говорят, что до обеда их, ну, с художником-то этим, будь он не ладен, ещё видели, водили их

по следствиям там разным, а потом... уже всё, наверное, – старуха помолчала, а затем добавила, – страшно жить стало, страшно, люди страшнее чертей порой оказываются...

После этих слов тётя Шура словно зависла. Серёгин долго не решался её тревожить, шагал за телегой, рассуждал о жизни, не забывая, какой сейчас на дворе год, всматривался в отрешённое лицо старой женщины, решившейся на столь откровенный, ему, первому встречному, рассказ. А ещё он представлял молодую черноглазую девку, не принявшую деревню, её быт со всеми её курами и козлами, поверившую складно говорящему комиссару и уехавшую в город – строить светлое будущее. Что с ними случилось? Посадили, сослали, отправили строить какую-нибудь железную дорогу, – ага, с портретом вождя на брюхе. Художника могли, конечно, могли и расстрелять – это, пожалуй, вероятнее всего. А вот с девчонкой что... скорее всего, просто пропала и не найти сейчас ни её, ни документов каких-либо. А ведь это только становление советской власти, начало красного террора. А что потом будет. Страшно, да страшно. При этих событиях явления кикимор, русалок и чертей всяких кажутся просто детской сказкой, невинным развлечением.

– Тётя Шура, а ещё про чертей что-нибудь знаете?

Но тётя Шура продолжала смотреть сквозь Серёгу.

– Тётя Шура... – повторил свой вопрос Серёгин, но уже намного громче.

– А?... Чаго? – наконец-то обратила на него внимание восседающая на телеге, как китайский мандарин, старушонка.

Серёгин вдохнул побольше воздуха и ещё раз повторил свой вопрос, как он понял потом, уже слишком громко. Лиза с Николаем, сойдя на обочину, обернулись, с недоумением глядя на него, а тётя Шура поглядела на него даже с какой-то обидой, что-нибудь типа: «Чего орёшь-то, дурень, я не глухая», – она не сказала, а лишь приосанилась, чувствуя в Серёге благодарного слушателя.

– Не знаю про кого, но ещё такую историю знаю. На святки, когда колядовщики ходят, дело было. Ходил колядовать-то раньше, наверное, а? – и не ожидая никакого ответа, продолжила: – В городе, в Енисейске, стало быть, ходили ряженые, три парня, быка продавали. Один, стало быть, как продавец, ну а двое – как бык: шкурой скотской накрылись, вперёд, стало быть, голову с рогами на палке выставили и ходят, народ веселят. Продавец этот, стало быть, быка расхваливает на все лады, а те, которые под шкурой, песни поют, подпрыгивают, ноги задирают по просьбе хозяина, ну, или тех, кто их угощает. Ну и зашли в избу одну. «Купи быка», – говорит продавец хозяину. Дед там сидел у лучины, только сказали так, стало быть, лучина раз – и погасла. Оторопели парни враз. А голос из темноты им и говорит: «Сколько стоит?» Ну, на этот случай у них уже прибаутка запасена, конечно же, была. «Сто рублей!» – говорит этот продавец, который ряженный, а те, под шкурой, уже запеть что-нибудь собирались, мол, какой он бык хороший, но голос из темноты говорит: «Хорошо, по рукам, мясо – наше, шкура – ваша, сто рублей на столе», – и кто-то здоровенной лапищей пожал, как рассказывал этот парень, ну, продавцом который был, ему руку. Вот, а когда свет зажегся, никого в доме не оказалось, кроме старичка немощного; у порога шкура эта лежит, на столе – сторублёвка, новенькая, как только нарисованная, а парней, что под шкурой прятались, никто и никогда больше не видел. Городового позвали, он, стало быть, допрос учинил. Дед этот говорит, что как только ребята дверями хлопнули, у него лучину задуло, вот и пошёл он за печку серянки искать, свечи огарок нашёл, чтобы ребятам светлее выступать было, и не разговаривал он с ними в темноте... Закончили следствие тем, что дед не виноват, ста рублей у него никогда не было, потому как сам он бедствующий и окромя медяков в руках денег не держал. Ни крови, ни других следов, ни, этих, как их... улик, тоже не нашли. Парня этого допрашивать стали, а он то ли от случившегося, то ли от следствия этого ненормальным сделался – говорить не может совсем, не то что песни петь. Отправили его в лечебницу для душевных. Вот такая история, но это люди рассказывают, я сама не видела, коль соврала, значит и мне соврали.

Глава 6

– Мне тут Лизавета про тебя рассказала, – начал всегда серьёзный Николай, – это всё правда? Ты, правда, из будущего?

Серёгин пожал плечами.

– А я сразу Тимофею говорил, что ты словно не из нашего мира, а он заладил: «Из графьёв, из графьёв...». В одном мы сошлись с ним, что в город тебе нельзя сразу-то было... Если бы ты сразу рассказал, ни за что бы не поверил, а оно вон как получилось... Ты, Сергей, там-то в каком году жил?

– В две тысячи одиннадцатом.

– Я правильно понял, в Енисейске, да?

Серёгин кивнул.

– Ну и как, как живут у вас люди, коммунизм уже построили?

Серёгин внимательно посмотрел на Николая, в его лице не было ни усмешки, ни какой-либо иронии. «Спокойным» окрестил его Серёгин в начале их знакомства, таким он и оставался, таким был и сейчас. От его серьёзных вдумчивых глаз, довольно ярких и молодых, во все стороны разбегались морщинки. У Сергея уже было несколько снимков, он их уже рассматривал. На них Николай казался намного старше. Сколько же ему лет на самом деле? Что ему рассказать? Про то, что коммунизм – это бред сивой кобылы, про то, что коммунисты – единственные за всю историю человечества, кто испытывал химическое оружие на мирных гражданах своей же страны, на крестьянах, а «вождь мировой революции» собственноручно подписал на это разрешение, с одной приписочкой, что, мол, надо исключить падёж крупного рогатого скота, и потравили на хрен пятнадцать тысяч человек в тамбовской губернии. Наверняка он про это не знает. А, может, рассказать про лагеря, как охраняла госмашина народ от врагов народа, вернее, ещё будет охранять, о том, какими силами будут строиться каналы и железные дороги или о созревающем культе отца всех народов. Наверное, он мне даже не поверит, хотя про красный террор он, скорее всего, уже знает, и не понаслышке.

– Николай, а скажите, здесь, ну, то есть сейчас, какой год?

– Двадцать пятый, тысяча девятьсот двадцать пятый, сентябрь месяц, – с интересом ожидая Серёгина ответа, отрапортовал Николай. Серёгин ещё какое-то время поразмыслил, ища выход. Наконец, решив, что знание истинной ситуации никого от неё не уберёжет, а, возможно, и наоборот, наконец, решился:

– Видите ли, Николай, для нас, там, – Серёгин мотнул головой назад, и сам чуть было не обернулся, где это там, – там совершенно другой мир, там в двадцать первом веке, нет... Там нет коммунизма, как нет кикимор и чертей, и даже разговоров про это никто не ведёт, это считается бредом, ну или, в крайнем случае, сказкой или шуткой.

Тень сомнений и неверия покрыла лицо Николая, они остановились.

– Понимаешь, Николай, мы живём, то есть я жил в другом мире, здесь же, на этой земле, – Серёгин покрутил головой, нашёл солнце и, быстро сориентировавшись, продолжил: – Вон там Кемь, на ней деревни Плотбище, Ялань, Подгорная, Чалбышево. Там, внизу – Усть-Кемь, вверх по Енисею Енисейск будет. Ещё выше Маклаково, Казачинское, Красноярск, та же земля, но мир другой.

Николай смотрел на него в упор, даже тогда, у телеги, когда Серёгин был со связанными руками, его не рассматривали так внимательно. Они стояли на дороге друг напротив друга и смотрели глаза в глаза; топота копыт и скрипа телеги уже не было слышно. Вдруг морщины на лбу Николая как бы разгладились, он отвёл плечи назад, хрустнув костями, и стал как будто даже выше:

– Ну, это понятно, что другой мир, а как же иначе-то, пойдём, давай быстрее, отстали вон как, – и он зашагал по дороге.

Серёгин в два прыжка догнал его и тут же получил вопрос в продолжение разговора:

– Хорошо ли живётся вам в вашем мире?

Поначалу Серёгин надеялся отделаться фразой типа: «везде хорошо, где нас нет», но последовали другие вопросы, и он решил рассказывать сам про всё: про телефоны и телевизоры, про освоение космоса и интернет, про образование и медицинское обслуживание. Особенно Николая удивило, что государством управляет, якобы, президент и кабинет министров, и что все эти чиновники, якобы, выбираются народом. Сначала он ухмыльнулся, а при втором «якобы» открыто разудался, что вызвало эту улыбку, Серёгину оставалось только догадываться. Но после этого политика перестала быть запретной темой, Серёгин поведал о настырных японцах и вороватых хохлах, о противных китайцах и подлых поляках. Рассказал он о конфликте с Грузией, о войне в Чечне и Афганистане. Что касается «советской власти», Серёгин старался тактично обходить, ни разу не обмолвился он про Советский Союз – страна – государство – Россия, он сам уже начал было верить, что не будущее это, а всего лишь параллельный мир. Но Николай, как оказалось, был не так прост, всё это время он внимательно слушал Серёгу, удивлялся, делал большие глаза, качал головой или цокал языком, кивал, а когда Серёгин замолчал в раздумье, чем бы ещё удивить Николая, тоже тактично выждав паузу, вдруг сказал:

– Я знаю, что ничего у них не получится.

Серёгин принялся было перебирать последние произнесённые им слова, пытаясь сообразить, о чём это он, но Николай, не дожидаясь ни Серёгиных вопросов, не набивая многозначительным молчанием себе цену, продолжил:

– Нельзя государство на крови и злобе строить, «кровь людская не водица, не давай крови пролиться». Слышал такую пословицу? Старая дедовская ещё поговорка, да и злоба с ненавистью – это удел слабых. Не может слабый хорошо государством управлять.

Потом оба долго молчали.

– Я тебе, Сергей Серёгин, вот какую историю расскажу, и не подумай, что я жалюсь, я так, чтобы ты знал, ну, в случае чего. Эти нехристи, знаешь, как над людьми издевались... Ноги людям отрубали, кто с ними не хотел идти... Я тебе честно признаюсь, купил справку-то эту, что не годен к службе, а Семён, брательник мой, и в самом деле хворый был. Ну и приехал военком – в солдаты набирать, ну какие ему солдаты, семеро по лавкам, меньшей ещё титьку сосал, ну и показал он справку-то эту, всё как полагается, с печатью и штемпелем, а того не знал, что военкома-то прежнего за мздоимство судили и как врага революции приговорили к высшей мере. Зыркнул он так глазищами своими, речь агитационную, говорят, толкнул и спрашивает: «А что это ты, Семён Трифонов, в армию не идёшь?» А сам всё шашечкой поигрывает, ну, как бы для устрашения, да и все мужики думали тогда, что куражится, не первый раз такое бывало. Ну, Семён и говорит – не могу служить, товарищ комиссар, ноги, мол, болят. Ну, какой знак он своим красноармейцам дал, или уговор у них заранее был, – толкнули они Семёна на колени, а комиссар этот и рубанул его по ногам. Одним махом и отрубил ему обе ступни: «Ну вот и всё, Семён Трифонов, не будут больше у тебя ноги болеть. Раз не захотел за казённые харчи рабоче-крестьянской красной армии служить, ползи домой теперь и пусть тебя баба кормит». Я тогда в отъезде был, мне только рассказывали. Мужики тогда кто дрын, кто оглоблю похватали, а что супротив шашек да винтовок-то сделаешь? Сначала-то их по избам разогнали, а потом всё равно, сколь надо им было, народу набрали и в Енисейск угнали. Нет, были и те, кто добровольно в солдаты пошёл, были и такие, но это те, кому, как говорится, терять нечего. Мужики, как могли, кровь Семёну остановили, лекаря звали, но тот не пошёл, забоялся. Ну, а я приехал, уже вторая седмица к тому времени шла, плоть уже пахнуть стала, я сразу к бабке Акулине... Тяжело умирал. Это заражение крови было, но, представляешь, ни одного дурного

слова, ни одного проклятья, всё зубами скрипел. Бабка его, конечно, травками для обезболивания поила, а Лизавета, – Николай кивнул в её сторону, – всё молилась. Там, на угоре, его и похоронил.

Дорога перевалила через бугор. Идти стало заметно легче, и Серёгин понял, что до сих пор они поднимались в гору. Здесь, на самом высоком месте, пожалуй, ни один путник, наверное, не мог удержаться, чтобы не остановиться, не оглядеться вокруг, не снять шапку и не воскликнуть, хотя бы мысленно: «Боже, красотища-то какая!»

Все оттенки красного, жёлтого мазками гениального художника, умеющего вызвать и трепет, и восторг, были разбросаны по картине мира. Тёмно-зелёные пятна ельника подсказывали, где прячется речка. Они были почти чёрными на этом пёстром платке, хотя местами оттенялись манящей синевой кедрача. Сбегающая вниз дорога сначала была совершенно прямой, а затем начинала соперничать с оврагом, начинающимся на её обочине. Из маленькой промоины от весеннего ручейка он превращался сначала в канаву, а затем в настоящий, полноценный, постоянно мечущийся то влево, то вправо овраг. Дорога тоже, словно от возмущения, не находила себе места. Она ползла то по левому берегу высохшего ручья, то перебиралась на правый, а там, позволив себе неприличный крен, кралась между лесом и осыпающимся оврагом, затем вдруг, решившись вновь, перебиралась на другой его берег. А там, где овраг был достаточно широк, и вовсе шла по его дну, но петляния её от этого меньше не становились, а скорее, наоборот, отдавшись, доверившись ему, она беспрекословно, как верная спутница, повторяла все его движения. Так, сплетённые друг с другом, они и скрывались в тёмном ельнике. На вершине Сергей с Николаем замедлили шаг, а потом и вовсе остановились. Красота-то какая...

– Да-а-а, – протянул Николай.

Серёгин повертел головой, даже назад обернулся. Но лошадки восторга своих хозяев, по-видимому, не разделяли и поэтому ничуть не тормознули, и даже, наоборот, прибавили шагу. Поневоле пришлось последовать их примеру.

– Я у Акулины часто бываю, она меня людей лечить учит, много трав целебных показала, ну и других секретов всяких тоже...

Сергей удивлённо уставился на собеседника.

– Видишь, в чём дело, если бы сразу траву нужную знать, то Семёна можно было спасти... – но, поняв, что недоумение Серёгина кроется не в этом, начал заново: – Не, я в заговоры не очень-то верю, хотя силища в них великая кроется, мне всё травы больше интересны. Представляешь, любую болезнь можно излечить, если вовремя заметить её, – но, сообразив, что и не это стало причиной Серёгина удивления, осёкся и замолчал.

Поняв ситуацию, Серёгин смутился и попытался объяснить, тщательно подбирая слова:

– Я понял, что вы, Николай, не родственник Акулине Андреевне, а ведь говорят, что... способностям этим научиться нельзя, что они по наследству передаются, ну, от бабушки к внучке, например.

Николай усмехнулся:

– А у бабки Акулины другая точка зрения, она говорит, что тут дар особенный нужен, как чутьё для охотника, а научиться действительно нельзя, а вот развивать этот самый дар нужно непременно, чтобы не угас он. А про наследование вот что тебе скажу, Лизавета, вон, год-два пожила у Акулины, и стал в ней этот дар просыпаться, сейчас, вон, старухе помогает. А я точно тебе скажу, – Николай перешёл на шёпот, – никакая она ей не внучка. – Серёгин снова вытаращил удивлённые глаза. – Она её из какой-то беды вытащила, обогрела, накормила, придела и внучкой назвала, а самое интересное, что не учит она ничему девчонку-то эту, при мне, по крайней мере. У Лизы свои секреты, свои тайны, свой взгляд на течение любой болезни имеется, вот что расскажу тебе. Так что, кому что передаётся – сам решай.

Вдруг Николай резко крикнул, несуразно как-то заохал и громко захлопал ладошами, Серёгин даже испугался. В стороне от дороги, вытянув длинные шеи, постоянно воровато оглядываясь, шёл табун молодых глухарей. Они стремились укрыться в ближайшем мелкаче, пешком, не торопясь, как говорится, без паники. Лишь одна птица, очевидно, их мамка, сильно хлопая крыльями, налетев при первой попытке на сухой куст шиповника, всё-таки поднялась, в воздухе развернувшись прямо над встревоженными лошадьми, ушла под гору. Её проводили восхищённым взглядом. Затем Николай оглянулся на скрывшихся в густой траве глухарей-подростков и прокомментировал:

– Поздние, им сейчас отъедаться надобно, а они, вон, всё ещё в табуне ходят. А это капалуха – мать семейства этого. Ага, видал, как она нас от деток своих отводила, если б собака или охотник какой неопытный, туда бы и ушли.

– А далеко ещё до Акулины Андреевны? – понимая, что ноги его уже не так высоко поднимаются, и что переставлять их становится всё труднее и труднее, да и сумочка с фотоаппаратом стала вдруг неудобной и какой-то тяжёлой, спросил Серёгин.

– Да нет, – отозвался Николай, а затем добавил, – за хорошим разговором и длинный путь окажется скорым.

В то же мгновение Серёгин перестал шаркать ногами и тут же воспользовался, как он это оценил, предложением или даже подарком.

– А расскажите ещё что-нибудь, Николай.

Николай хмыкнул, почесал бороду и задумался.

– Про охоту я не мастак рассказывать, я охотником-то никогда не был...

– Да не про охоту, просто про жизнь, ну или байку какую-нибудь. Мне вон рассказывали... – были у Серёгина сомнения по поводу времени, к которому относится эта баечка, но решив, что все неточности можно будет обойти или списать на вымысел автора, или скорее авторов, так как каждый вправе добавить ещё что-нибудь, украшая тем самым легенду, начал повествование:

– Это значит, когда я в Северо-Енисейском районе был... – вот он, первый ляп, нет ещё ни Северо-Енисейска, ни района этого – пронеслось в голове у Серёгина, и он тут же исправился: – На правом берегу Енисея, где золото моют. По-разному моют: кто артелями, кто компаниями, с друзьями-товарищами, а кто и поодиночке. Ну, как говорится, тайга-то большая, золота всем хватит, но одно дело намыть, а другое дело донести его до города, потому как ближе к Енисею всегда разбойники шастали. Ну, вот и выходил один такой старатель-одиночка и почуял он, что следят за ним, наблюдают. Сразу-то, стало быть, побоялись подойти, он с ружьём был, будто с охоты возвращался, вот и не подошли сразу -то.

Николай согласно закивал головой.

– Но что-то, видимо, не соответствовало в нём, не совсем походил он, видимо, на охотника, или выдал себя чем, или ещё чего, отрезали ему бандиты дорогу к Енисею и стали отгеснять его в тайгу. А не знали того разбойники, что патроны-то у него ненастоящие, вернее, как настоящие – капсуль, там порох, всё как положено, но вместо пули или картечи золотом снаряжены были. Вот идёт он вверх по речке и понимает, что всё равно, рано или поздно, окажется он в лапах у грабителей этих и золота всё равно лишится, хоть бы самому живому остаться, а поэтому, ну, чтобы жизнь свою сберечь, ни бежать, ни отстреливаться ему нельзя. Вот и решил он тогда до конца охотника изображать. Идёт и стреляет, а что, патронов много ведь, ну дичи какой-то набил, а в основном по камням большим, что в стороне от реки, стрелял. Надеялся, что если жив останется, песок золотой и самородочки-то отыскать подле камней сумеет, вот и высадил он все золотые патроны по приметным камням.

Серёгин замолчал, ожидая от Николая оценки действий этого охотника или каких-либо комментариев, но Николай только цокнул языком, покачал головой и кивнул: что, мол, дальше-то было.

– Ну, а дальше всё, как и предполагал этот горе-старатель. Ночью подкрались, напали, обыскали, всё перетрясли, но золота не нашли, попинали немножко, но убивать не стали. Ружьё и сапоги, правда, отобрали, но ничего, до города дошёл, ноги, правда, поморозил, поэтому и не пошёл золото своё собирать. А продолжение истории этой в восьмидесятых годах получилось. Пошли геологи по речушке, что такое: на каждом повороте «следы» золота, это так песок золотой называют. Где ни копни, вдоль всего русла золотые песчинки находят, а кое-где и самородки мелкие, да много так. Загуляли на радостях геологи, что, мол, скоро премию получают, а глубокой разведки не сделали. Отчитались куда положено. Начальство тоже довольное, техники понагнали, рабочих человек триста, драгу уже собирали почти – это такая машина огромная, которая золото моет. Строительство средь тайги развернули, а потом выяснилось, что золота-то нет... Потом, когда выяснять-то стали, каждый пятый про эту историю слышал, вот что получается.

– Слышал, да не прислушивался, – скороговоркой добавил Николай.

Серёгину было очень приятно такое восприятие его рассказа, но далее обсасывать свою байку он не собирался. Давая понять, что у него всё, Серёгин замолчал, предоставляя слово попутчику.

– А-а-а... Да-а-а... А я могу про Краснова рассказать... – и Николай снова замолчал, словно сомневался, рассказывать или нет.

– Это купцом который был? – первое, что пришло в голову, спросил Серёгин, пытаясь спровоцировать Николая.

– Да нет, – отмахнулся тот, – видишь ли, Сергей, рассказывать историю – это значит сохранять её, а этот сюжет, как бы сказать, поскорее забыть хочется. Ну ладно, слушай. Фамилию его, ну, настоящую, теперь никто и не знает, наверное. Хохлом он был, ну и фамилия хохляцкая какая-то. Приехал он, значит, оттуда в артельщики наниматься, денег лёгких захотел, там у них кто-то ляпнул, что поработаешь, мол, годок в Сибири и миллиончиком домой вернешься. Но мужик, как оказалось, говнистый был, не сработался с мужиками, выгнали они его. Решил он единоличником золотишко добывать. Но тяжёло ему этот труд оказался, а, может, и намыл чего – не знаю про то. Мужики сказывали, что видели его, в конце концов, среди разбойников на том берегу, ну, как ты вон говорил. Но раз как-то вломили этим ребятам с большой дороги так, что мало не показалось. Артельщики тоже ребята не промах, да и купцы помогли, засаду организовали, много тогда разбойников – кого в яму посадили, а кого и в драке покалечили. Бросил тогда этот парень гоп-стопом заниматься. Но человеком всё равно не стал, попрошайничал, ходил по деревням у нас. Не любили его мужики, но всегда подавали. Потому как не дать если, то украдёт обязательно что-нибудь. Хотя и грешно нищего обижать, но не раз его мужики уму-разуму учили. Но пришла советская власть и вся голытьба: всё ворьё, жульё и лентяи, – все к ним потянулись. Вот тогда и взял хохол-то этот фамилию Краснов и непременно командовать хотел, потому как он, мол, самый обездоленный и самый несчастный, а «советская власть для того и создана, чтоб таких защищать». Представляешь, Сергей, кого они собрали... Да ещё полномочиями всяческими наделили и оружие дали. А Краснов этот ещё и грамотным оказался, и благодаря этому поставили его во главе продотряда, ну, значит, продовольственный налог чтобы собирал. Знаешь, Сергей, какие налоги, – Серёгин никак не успел отреагировать, а Николай уже продолжал: – семьдесят пять яиц в год с курицы, неважно, какого возраста курёха твоя или вообще петух, а овцу держать совсем невыгодно, с неё в год – шерсти три килограмма и, представь себе, – Николай умело выждал паузу, – представь себе, шкуру сдать надо. И что за овца у тебя – без шкуры останется. А с неучтенным попадешься... не дай бог! Никулина баба с ребятишками в лесу дяляну раскопали, горох посадили. Нет, стукнул кто-то, пришли, обмеряли, санкцию штрафную написали, отродясь столько гороху на этой дяляне не вырастет. Ну, она баба горластая, давай правду искать и пропала, представляешь, Сергей, два года – ни слуху, ни духу. Вот только в августе появилась, худющая, как смерть.

Где была? Коммунизм, говорит, строила, в тайге, за Канском, в виде железной дороги. Это сейчас, а тогда, в двадцатом году, ещё жестче было... Вот и поставили этого новоиспечённого большевика продотрядом командовать, и ловко у него это так получалось – всегда и план выполнял, и директивы всякие. А в деревнях его все бояться стали, потому как ни жалости у него, ни совести, ни страха божьего не было, и отряд-то себе собрал из таких же, ну, кто его взгляды и методы поддерживал. В общем, ценный работник оказался. Особенно любил он по дальним заимкам ездить, ну, где одна-две семьи живут. Были такие, что в двадцать первом только и узнали о советской власти, а там, на севере, – Николай мотнул головой, – и сейчас люди живут: ни большевиков, ни колхозов... Но не долго так прослужил мировой революции... исчез. Исчез вместе с отрядом, восемь человек с ним было, все конные. Поехал по заданиям и не вернулся. Возможно, конечно, что изловили лиходеев мужики-то, ну кто-нибудь типа Портнягина, что из Чалбышева. Но тогда бы обозы не бросили – НКВДешники два обоза на дороге нашли, в полях недалеко от Подгорной, продотряд как раз по той дороге ворочаться должен был. Обозы не тронуты, всё уложено, как будто переезжают куда люди, с тряпьем, с узлами, самогона много было, а в узлах всё больше детские вещи были. Сначала-то утаить хотели про обозы-то, но потом кто-то из краснопёрых по пьяни всё и рассказал. Ну, народ покумекал, что к чему, поскладывали. Сейчас такие слухи ходят: никогда товарищ Краснов не боялся руки в крови испачкать, а последнее время часто стал начальству докладывать, что незадача такая вышла, сожгли, мол, бородатые всё добро, ничего не удалось спасти, и сами в том огне погибли, ну и хрен, мол, с ними, чего горевать-то, налог они в полном объеме никогда не платили, а до заимки этой три дня пути, это, мол, если не заплутать. Ну, а дальше ещё вот чего говорят: приехали они, мол, на заимку эту, заперли всех в сарае, погрузили всё добро, ну, что поценнее, что продать получится, на телеги, а потом и избу, и постройки все вместе с сараем тем подожгли. А того, что пацан маленький в семье той был, не знали. Не учтённый был, и в ту пору мальчонка, Алёшкой звали, за грибами ходил. Не успели ещё от пожара отъехать, глядь – мальчонка этот на полянке стоит и пальцем на них показывает: «Убивцы», – говорит. Краснов только головой кивнул – поскакал его прихвостень на ту полянку и зарубил пацана шашкой, а тело его тут же в огонь бросили. Отъехали, какое-то время прошло, глядь – на угоре опять пацан стоит и в их сторону пальцем кажет. Махнул рукой командир – поскакали всадники, размахивая шашками, рассекая воздух, а на угоре уж и нет никого. Ну, и решили тогда, что с перепою у них это. Только тронулись в путь, слышат, позади их: «Убивцы, убивцы!» – обернулись, а там на дороге пацан стоит, стрелять давай по нему – бесполезно, выхватили храбрые красноармейцы свои шашки и на него... Вот уж три года скоро, как они за Алёшей по всем полям скачут. Мужики говорили, что носят их кони и по лесу, и по воде аки посуху, но бесполезно всё... Вот так. Ну что, Сергей Серёгин, фотограф из Енисейска, слышал такую историю?

Серёгин замотал головой и лишь через несколько секунд, когда окончательно собрался с мыслями, смог ответить:

– Нет, не слышал, – потом ещё немного помолчав, добавил: – Про Портнягина слышал, а про Краснова – нет.

– Про Портнягина? – удивлённо спросил Николай. – Лизавета что ли говорила или до вашего времени слухи о его подвигах дошли, и чего там у вас про него говорят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.